

**В НАШЕЙ ПАМЯТИ
НАВЕЧНО**

Ушачская районная организация общественного объединения
«Белорусский фонд мира»

Ушачская районная организация Белорусского
общественного объединения ветеранов

Редакция газеты «Патрыёт»

Авторы : В. Корейша, О. Коваленко, О. Гурленя, Т. Бородёнок,
М. Клопова, Л. Толмачёва, М. Подворный, Л. Карабань

В нашей памяти навечно : сборник воспоминаний / В.
Корейша [и др.] ; сост. Л. М. Шкарубо. – Ушачи : Ушачская
районная библиотека имени Е. Я. Лось, 2023. – 64 с. : ил.

Сборник включает в себя воспоминания родных и близких
участников и свидетелей Великой Отечественной войны. Издан в
рамках совместного проекта «В нашей памяти навечно» и
посвящен Году исторической памяти.

Для широкого круга читателей.

«Мы будем всегда помнить о героях Великой Отечественной войны, о наших близких и родных людях, которые защищали страну от фашизма. Мы будем всегда помнить тех, кто подарил нам жизнь, детство и прекрасное завтра!»

Мы помним, какой ценой отстояли наши деды и прадеды свободу Отечества и понимаем, что защита Родины – это священный долг каждого гражданина нашей страны.

Мой дед, Чуешов Илья Борисович, родился 26 марта 1925 г., белорус по национальности. Родился он на полях Казахстана, куда родители поехали поднимать целину. Через некоторое время семья переехала снова на родину, в Гомельскую область в деревню Уваровичи.

Войну дед встретил 16-летним юношей в родной деревне. Будучи патриотом и опасаясь, что немецкие захватчики могут забрать его для работ в Германию, не желая трудиться на пользу врага, он прибегнул к радикальным мерам – кувалдой раздробил себе несколько пальцев на руках. По исполнению 18 лет, вступил в ряды Советской Армии. Воевал в разведгруппе, был радистом. Дошёл до Германии, расписался на Рейхстаге. Ранен не был. Имел многочисленные награды и благодарности.

После войны работал водителем в пожарной части до выхода на пенсию.

Виталий Корейша

Мой дедушка, Грак Иван Никитович, родился в 1925 г. в деревне Загорье в многодетной крестьянской семье. Великою Отечественную встретил 16-летним юношей и практически с первых дней войны ушёл в лес с партизанами. Служил в партизанском отряде пулеметчиком.

Прикрывая эвакуацию детей и раненых на «Большую землю» был смертельно ранен.

Ольга Коваленко

Из воспоминаний моего дедушки Василевского Евгения Петровича (март, 1985 г.)

У меня в руках альбом с воспоминаниями моего дедушки Василевского Е.П. Сердце охватывает тоска о дорогом мне человеке. Так мало я помню из его рассказов о военном времени, да и не любил он говорить об этом. Всего 15 лет ему было, когда началась война. В 17 лет он воевал в партизанском отряде, как настоящий, взрослый партизан. Скидки на возраст не было. Участвовал в прорыве вражеской блокады. Дошёл почти до Берлина в рядах Красной Армии. Альбом с повествованиями появился на свет к 40-летию Великой Победы, в 1985 году. Ровным, каллиграфическим подчерком он рассказывает об этих страшных годах, отнявших у него юность. Только меняется ритм повествования. Он как бы заново переживает эти события, вспоминает погибших друзей. Вот отрывки из его воспоминаний, которые запомнились мне надолго.

Эти воспоминания прочитали и мои дети. Я хочу, чтобы их прочитали и другие. И самое главное, чтобы небо над нашей головой всегда было мирным.

Память сердца вновь меня зовёт в тот далёкий сорок пятый год...

Родился в 1926 году. В 1927 году уехали на Украину в г. Харьков, здесь отец работал в милиции, а мать была домохозяйкой. В 1930 году возвратились домой в д. Строкты Ушачского района, где и проживали до 1940 г. В феврале 1940 г. отец погиб в борьбе с белофиннами. В школу пошёл в 1934 г., а в 1941 окончил 7 классов Ушачской школы. Класс наш был небольшой, 19 учеников, но дружный. Время было тревожное – началась вторая мировая война. Несмотря на заключение договора в фашистской Германией о ненападении, в воздухе «пахло порохом». В школе велась

большая военно-патриотическая работа. Работали кружки по военному делу, каждый ученик старался сдать нормы на значки: «Ворошиловский стрелок», «ПВХО», «ГТО», «ГСО». Из девяти юношей в нашем классе все мечтали получить военную специальность.

22 июня 1941 года ...сильнее грома прокатилось страшное слово:

ВОЙНА. Хотя мы были очень молоды, но как писал Твардовский: «про всё забудь, ныне мы в ответе за Россию, за народ и за всё на свете». Среди ребят нашего класса не было трусов и предателей – все они приняли участие в борьбе с фашистами. Беляков Н., Сойко А., погибли во время блокады в 1941 г., Мазгин О. пришёл с фронта очень больной и вскоре умер, а с остальными (Ермак Н., Марченко А., Миклашевский И., Полозов В., Демешко С.) встречался после войны.

Во время войны каждому подростку хотелось иметь оружие, было это желание и у меня. Через несколько дней после начала войны, мой дядя Роман Крахотко принёс домой пистолет, но без патронов, и бросил его в кладовку. Мне удалось выменять на перочинный нож несколько патронов и таким образом «вооружиться». Но, узнав об этом, дядя обезоружил меня и дал совет быть очень осторожным и в то же время, если достану где-либо оружие, то надёжно его спрятать. К концу 1941 г.

начали распространяться слухи о партизанских диверсиях в нашем районе. Началась организация партизанских групп и отрядов. Первая такая группа под командованием начальника Стадолецкой погранзаставы Ф.Кудрявцева потерпела провал из-за предательства сына бывшего кулака. Ф.Кудрявцев был убит и для устрашения населения привезен в Ушачи и брошен под висельницу, специально построенную для казни наших людей. Однажды немцы пригнали небольшую группу наших военнопленных и заперли их в костёле, а привезённое на повозках оружие и боеприпасы, собрав несколько подростков, стали ломать винтовки, разбирать затворы и разбрасывать. На это зрелище попал и я. Участвуя в этой «операции», я забросил две неразобранные

винтовки, хотя приклады и были обломаны, в бурьян за сараем. Через несколько дней свой «трофей» принёс домой и надёжно спрятал. Позже удалось собрать около 300 патронов. Когда началось создание партизанских отрядов, одну винтовку отдал дяде, а вторую сам, тайно от матери, начал приводить в порядок – сделал приклад, хотя и не очень красивый.

Летом 1942 года действия партизан начали активизироваться. Отдельные отряды начали объединяться в партизанские бригады. Первым организатором партизанской бригады имени Чапаева был Плахатнюк. С бригадой «Дубова», которая формировалась в Завечельском лесу, я имел связь через своего дядю Романа и капитана Ярмоша В.В., который впоследствии стал комиссаром бригады имени Сталина, а во время блокады, апрель-май 1944 года, командиром этой бригады. Мне давали небольшие задания по наблюдению за строительством немцами укреплений возле школы, где в это время располагался немецкий гарнизон, и они привлекали население на строительные работы. В сентябре месяце действия партизан настолько активизировались, что почти каждую ночь делались нападения на расположения немцев в Ушачи. 14-15 октября 1942 года немцы и их приспешники-полицаи были вынуждены убраться из Ушач в Лепель.

В районе восстановилась Советская власть. Хотя колхозов, в полном смысле этого слова, не было, но труд крестьян обратно стал коллективным. Население района оказывало всевозможную помощь партизанам: обеспечивало хлебом, помогало одеждой и строительством оборонительных линий. На все просьбы принять меня в партизанский отряд, я получал отказ от капитана Ярмоша. Видимо, я был не только молод, неопытен, но и ростом мал. «Твоё время будет под Берлином», – следовал ответ. Вскоре в Ушачах была организована мастерская по ремонту оружия, которое доставляли партизаны и население со склада, сгоревшего в районе Полоцка. Вот здесь пригодился и мой опыт по ремонту винтовки. Начальником мастерских был Ф.Ф.Устин – бывший руководитель станции юных техников при нашей школе. Мы работали в мастерских с утра до вечера. Хотелось сделать как можно больше.

В начале 1943 года в Ушачах располагался взвод партизан, но летом немцы начали интенсивную бомбёжку посёлка. Бывали дни, когда в воздухе кружили десятки самолётов. Партизаны ушли из Ушач на льнозавод, где в то время располагался штаб бригады имени Пономаренко. Ликвидировались и оружейные мастерские. Много ремонтников ушло в партизанский отряд, а из некоторых, куда попал и я, сформировали отдельную группу для охраны и наблюдения за порядком в Ушачи. К осени 1943 года следить за порядком не было нужды. В посёлке осталось около 400 человек жителей. Около 70% домов было разрушено и сожжено. Женщины и дети разошлись по деревням, мужчины в партизанские отряды. Не повезло и мне, хотя дом и не сгорел, я слёг в кровать. После поправки направился в штаб партизанской бригады имени Сталина – наконец, взяли. Меня зачислили в кавалерийский эскадрон. Командиром бригады в это время был лейтенант Д.Короленко, комиссаром А. Ярмош, начальником штаба – Качан. Моими непосредственными командирами были: командир эскадрона А. Панкратов, комиссар – И. Алдошин, командир взвода – лейтенант Скиба. Отряд размещался в деревне Заболотье.

С группой партизан я был направлен на аэродромную службу в деревню Сержаны. Наша задача состояла в приеме самолётов и планеров. С Большой земли доставляли оружие и боеприпасы, а за линию фронта отправляли раненых партизан. Самолёты прилетали почти каждую ночь, доставляя взрывчатку, боеприпасы и медикаменты. Раненых было мало, а однажды за линию фронта отправили даже двух немецких пленных офицеров, которые обещали дать ценные сведения. Перед началом блокады к нам привезли группу оборванных ребятишек в сопровождении женщины. Но ввиду большой оттепели, взлётная полоса оказалась непригодной для приёма самолётов, и они были отправлены на аэродром озера Вечелье. Впоследствии, уже работая в школе, я узнал, что были дети, спасённые партизанами, из детского дома г. Полоцка, где их держали как доноров для немецкой армии. Это смелая партизанская операция «Звёздочка» известна на всю страну. Вывоз детей за линию фронта осуществляли лётчики 105-го

гвардейского авиаполка, некоторых я запомнил. Это Кузнецов (Петрович) и А.Мамкин. Они летали на более быстроходных машинах Р-5, а остальные на ПО-2, делая за ночь по 2-3 эйса. И когда улавливали звук самолёта Р-5, это Петрович или Сашка идёт на посадку. Операция «Звёздочка» была последней для Александра Мамкина. Он погиб, спасая детей.

11 апреля 1944 года, сосредоточив против партизан большую армию, свыше 65 тысяч солдат и офицеров, при поддержке танков, авиации и артиллерии, немцы решили уничтожить партизанскую зону. Началась самая трудная за всё время войны битва. Немцы рвались к Ушачам, но их планы осуществлялись очень медленно. 25 дней партизаны оказывали упорное сопротивление, проявляя мужество и героизм. Но силы были неравные. Кольцо блокады сужалось.

Десятки тонн грузов перебрасывались по воздуху самолётами и планерами, но с середины месяца аэродром «раскис», и авиасвязь почти прекратилась. Наше отделение аэродромной службы прибыло в отряд, который в это время занимал оборону около д. Двор Жары. К концу апреля немцы заняли д. Ореховно, а на нашем направлении Барковщину (Лесные озёра), д. Старинка, где размещался штаб нашей бригады. Смертью храбрых пали многие партизаны. Был убит командир нашей бригады Д. Короленко. Командование бригадой принял А. Ярмош. Немцы вплотную подошли к партизанской «столице». По согласованию со штабом партизанского движения при ЦК КПБ (б) командование приняло решение сдать Ушачи без боя и выйти из окружения в западные районы Белоруссии. Но осуществить последнее не удалось. На участке железной дороги Прозороки-Фариново немцы сосредоточили большие силы при поддержке бронепоездов. В ночь со 2 на 3 мая была попытка пробить брешь в немецкой обороне, но успехом не увенчалась. Было принято второе решение – выйти в тыл немцам в Завечельский лес, а затем уйти в Чашникский район. Разгадав этот замысел, немцы стянули крупные силы и ещё плотнее сжали кольцо в районе деревень Паперино-Плино-Заборовно. Картина была ужасная. Обстановка сильно усложнялась тем, что

вместе с партизанами находилось несколько тысяч мирных жителей. Моросил мелкий дождь, со всех сторон гремел бой, в небе над лесом – немецкие самолёты. Они засыпают беззащитных детей и женщин мелкими минами и с небольшой высоты расстреливают из пулемётов. Наш пулемётный расчет на ускрайке леса обстреливает окапывающихся немцев на противоположном берегу речки. Штурмовая группа автоматчиков переправляется через речку и наносит удар по немецкой засаде. Приказ командиров: всем переправиться на противоположный берег. Река узкая, но глубокая и топкая. На месте переправы – неразбериха, немцы издали ведут пулемётный огонь. Стоны раненых, крик женщин и детей. Но вот основные партизанские силы на том берегу. Строимся в колонну. Командиры объясняют обстановку. Сообщается приказ Лобанка: с наступлением темноты по сигналу красной ракеты, развёрнутыми колоннами идём на прорыв. «Жить, пасть в бою или завтра висеть на соснах», – говорит политрук отряда.

Стало темнеть, разворачиваемся колонной в сторону леса. Лес небольшой – метров триста шириной. За лесом окопавшиеся немцы. Красная ракета. Вперёд! Штурмуем на двух направлениях: на деревню Паперино и южнее деревни Плино. Сплошная стрельба, разрывы гранат, грохот боя не даёт время на ориентацию. Только вперёд! В темноте разлучился с первым номером своего пулемётного расчёта. Немцы из пулемётов бьют непрерывным огнём. Бегу с группой 5-6 партизан. Нарываемся на немецкий пулемёт. Падаем. Место болотистое. Вторая пулемётная очередь в нашу сторону. Слабый стон. Даём винтовочный и автоматный огонь в сторону пулемёта. Вскокиваем с болотной грязи. Один наш товарищ неподвижен. Делаем рывок левее, чтобы не застрять в болоте. Сквозь редкие кусты вижу поле. Бой разгорается. Где-то что-то горит. Ориентируюсь по пожару. Группами и поодиночке бегут партизаны, стреляя на ходу. Зацепившись за что-то, падаю. Подо мною убитый партизан, а рядом – немец. Меня догоняют несколько партизан. Бежим вместе. На бегу перезаряжаю винтовку, вот и дорога Плино-Паперино. На дороге что-то чернеет. Стреляем. На дороге немецкие повозки, убитые лошади, в д.

Паперино и Новое Село горят дома. Что дальше? Бежим вдоль дороги, стрельба затихает. На развилке дороги Чоботово – два партизана-регулирующего. «Какой бригады? Сталина. Держитесь вдоль болота к лесу». Подходим к месту сосредоточения бригады. Группами и поодиночке подходят партизаны.

Бой затих, слышны лишь отдельные выстрелы в том направлении, откуда несколько минут назад начался штурм. Прорвались!

Пройдя несколько километров, останавливаемся в лесу. Всем отдыхать перед большим переходом. Просыпаюсь от холода. Распогодилось, взошло солнце. В нашем отделении три местных: я, Егор Маркович из деревни Старинка и Максим Дубровских из Теличино. Достаём скудный запас сухарей, у меня кусок сала в патронной сумке. Командиры строят отряды. Нас стало меньше. Нет командира взвода. Целый день отдыхаем. Вечером поход в район Воловой горы. Собралось в бригаду человек 300. Вечером в путь. При нашей бригаде командование опергруппы партизанской зоны. Имеется радиостанция. Есть пулемёты и запас патронов. Боеспособность сохранена, планы немецкого командования по уничтожению партизан провалились, хотя потрепали они нас изрядно. 8 мая прибываем в д. Волова гора. Включаем радиостанцию. Сообщение Совинформбюро: «Советская Армия в результате упорных боёв освободила город Севостополь». Бьют фашистов везде. Нет им пощады.

2-й Белорусский фронт, 2-я ударная армия, 760-й истребительный, противотанковый, Краснознамённый, Кенгесенский, ордена Александра Невского артиллерийский полк (в.ч. 18 572)

После непродолжительной подготовки при 71 запасном артполку по специальности радист, в ноябре 1944 года я был отправлен в действующую армию. На формирующем пункте в районе польского города Остров-Мазовецкий нас встретил очень энергичный, весёлый и симпатичный майор Шелест, учитель по гражданской специальности. Он рассказал нам боевую историю полка и отобрал 70 добровольцев (как он сказал: «Желательно,

нюхавших порох – партизан») для доукомплектования части, которая в это время размещалась километров в 8-10 от линии фронта, ожидая пополнения и изучая новую боевую технику. Полк имел на вооружении 76 мм. пушки ЗИС-3 и автомашины американской марки «Додж». Стрелковое оружие солдат – автомат ППС.

Полк был сформирован в начале 1942 года в городе Вологда из числа моряков затонувших кораблей Балтийского флота и морской пехоты. В батарее, куда меня назначили, я был дружески встречен. Наводчик орудия Александр Меньшиков снял с меня брезентовый солдатский пояс и торжественно вручил флотский – с блестящей бляхой и якорем, а потом достал из вещмешка тельняшку. У них был закон: в самую трудную минуту боя сбрасывать гимнастёрку и драться с врагом в тельняшке. Убеждали, что помогает.

Боевой путь полка начался с защиты города Ленина. Население города очень благодарно отзывалось о боевых делах полка. Это они насмерть стояли на высотах Синявино, били врага под Мгой. В декабре месяце мы заняли боевые позиции на небольшом плацдарме за рекой Нарвой (нарвский пяточок). Хотя меня готовили радистом, но я им не стал, не было вакантных мест, и я был приставлен к орудию. За короткое время изучил орудие и технику артиллерийской стрельбы. На участке фронта, где мы размещались, было «тесно». На нашу батарею отвели 75 метров, так что от ствола до ствола было около 19 метров. Аналогичная картина была и у других. Впереди миномётный полк, сзади – зенитный. До наступления фронта было мало времени, хотя мы и не знали, когда оно начнётся. Почти ежедневно вели пристрелку целей. Не сидели сложа руки и фрицы. Очень часто в небе появлялся немецкий самолёт-корректировщик «Рама» и тогда нам доставалось. Особенно они усердствовали против зенитного полка, т.к. они не давали «Раме» спокойно корректировать огонь, они били по зенитчикам, а «шишки» сыпались больше на нашу батарею. Орудийные расчёты размещались в наспех сделанных землянках «в один накат», прижатый сверху глыбами мёрзлой

земли. Вечером 13 января командир батареи сообщил: «В 9 утра начнём».

Утро 14 января выдалось туманным и сырым. Мы заняли свои места у орудий. По сигналу «залп катюш» вздрогнула и задрожала земля. Тысячи орудий всех калибров обрушили смертоносный груз на головы немцев. Рванулись вперёд танки и пехота после получасовой артподготовки, но за весь день продвинулись очень мало, километров пять. Немцы ударили с левого фланга. Мы стали на прямую наводку. В течение дня отбили семь контратак. Утром следующего дня фриц так нажал, что наступление приостановилось. Но здесь сделало своё дело ракетная артиллерия – «катюши» и «ванюши». В течение нескольких секунд на головы немцев обрушились сотни снарядов. Не только я. Но и старые солдаты были в оцепенении. Всё небо над нами стало огненным от пролетающих над нами реактивных снарядов. Дрогнул фриц, побежал. Так началось моё фронтовое крещение. А через день приказ Верховного Главнокомандующего: «Объявить благодарность войскам 2-ой ударной армии за овладение городами Цеханув и др. С боями продвигались на северо-запад и 19 января наш полк вступил на землю Восточной Пруссии, взяв направление на Кенигсберг. Через некоторое время, вдоволь настрелявшись и нанюхавшись пороха, овладели вторым по величине городом Пруссии после Кенигсберга – Эльбинг, отрезав путь к Германии окружённым в Кенигсберге немцам. В связи с ранением нашего связиста, меня, как молодого, перевели в отделение связи, работы стало меньше, т.к. дальность «нитки» на прямой наводке не превышала 200-300 метров. Имея большую маневренность, наш полк перебрасывался с одного участка боя на другой, где обнаруживалось скопление немецких танков, ведь наша основная задача была борьба с танками. Так мы попали в очень «тёплое местечко» на пути к городу Данцигу. Возле крупной деревни Гробау (мы называли её «гробы») немцы заняли удобные позиции и наши части не могли продвигаться вперёд в течение нескольких дней – на пути было много «дзотов». Батарее была поставлена задача: помочь пехоте огнём прямой наводки. Свою задачу мы

выполнили – подавили укрепленные огневые точки и кроме этого подбили два немецких танка. За эти бои я был награжден медалью «За отвагу».

Всё время только на запад! И вот река Висла, Маленький буксир таскает паром с одного берега на другой. Туда технику – обратно почти пустой. Вода в реке быстро прибывает, весна, мелкий дождь и туман, в небе немецкие самолёты, ведущие бесприцельную бомбёжку. «Переправа, переправа, берег левый – берег правый». Но переправились благополучно наступаем на Данциг. Над городом сотни наших самолётов. Дым, гарь. Немцы упорно сопротивляются. К нашему подходу город почти весь взят. Ведём бои на восточной окраине. Отступая, немцы взорвали дамбы вдоль реки. Вода вышла из берегов и затопила наиболее низкие участки. Мы поддерживаем пехоту. Отступать немцам нет куда – позади у них песчаная коса, далеко уходящая в море. Командир батареи ст. лейтенант Приходько, разведчик Масюков В. и я – на чердаке дома. Командир – у стереотрубы, я – у телефонного аппарата. Корректируем огонь батареи. Вдруг разрыв мины на крыше здания. Командир тяжело ранен. Разведчик становится корректировщиком, я перевязываю командира. Бой продолжается до вечера. Ночью присылают второго командира капитана Васильева. Осторожный, осмотрительный, действует по принципу: «Господи Иисусе, вперёд не суйся, но и зад не подставляй». Утром переезжаем на другой участок. Там спокойнее. Впереди деревня. Сходу даём огонь – даём знать, что мы здесь. 8 апреля приказ: снарядов не жалеть, особенно осколочных. Оставлять на орудие по одному боекомплекту, остальное в течение дня перебросить немцам. Пусть знают – не жадные. Так и делаем. Стреляем, когда вздумается по всем, что может гореть или шевелиться. С наступлением темноты – немецкие парламентёры. Знают русский язык. Латыши. Сообщают, что от нашего огня несут большие потери, хотят сложить оружие. Через нас приводят роту своих солдат. Бросают оружие, строим их в колонну и отправляем в тыл. Утром должны сняться с боевых позиций, предстоит дальний марш на другой участок фронта. Через 2-3 дня мы на берегу Одера,

напротив г. Штеттин. Город большой, но почему-то по городу не стреляем. Оказывается, в городе много химических заводов. Долго, без дела, топчемся на берегу. Меня переводят в отделение разведки. Ожидается наведение переправы через реку. Работы идут медленно – слишком широка река. Наконец, понтонный мост готов. Танки и пехоту – в первую очередь. Вдруг сильный подводный взрыв. Мост взорван, опять отдыхаем. Через сутки форсируем Одер и вступаем, без боя, в город Штеттин, Стремительно продвигаемся в сторону Берлина. 30 апреля овладели городом Пренцлау. Завтра праздник – день 1 Мая. Выбираем дом для отдыха. Дом большой, в доме пусто, лишь хозяйка дома, седая женщина, завидев нас, ещё больше поседела. Объясняем причину визита. «Гут, битте». Старшина и повар полны хлопот, завтрак должен быть праздничный. 7 часов утра. В самой большой комнате накрыт стол. Посреди канистра со спиртом. Впервые собрались все вместе. А где хозяйка дома? Бледную и дрожащую приводят и её. Пусть посмотрит, есть ли у русских рога и будут ли русские по праздникам пить кровь немецких детей, как внушал им Геббельс. Тост за праздник, за Родину. По рации слушаем передачу Москвы.

Перебрасываемся на остров Рюген. Навстречу на идут безоружные немецкие солдаты. «Гитлер капут!» Располагаемся на берегу залива. Обнаружили лодку и сеть в море. Будем ловить рыбу – селёдки захотелось. Вытряхиваем корму сети. Ого! Добрый улов. А эта, плоская,

с одним глазом? «Нике эссен», – объясняет сопровождающий нас немец-рыбак. Выбрасываем её за борт, пусть плавает, а так будет потом разговор среди немцев, что мы грабежом занимались.

8 мая услышали по рации: фашистская Германия капитулировала. Ура! Стрельба из автоматов. Среди немцев деревушки переполох. Что случилось? Победа! Долгожданная победа! Старшина! Канистру на стол! Гуляли всю ночь.

Возвращаясь на родную землю, проезжая от границы до Сталинграда видели одно и то же: сожжённые города и сёла, слёзы на глазах женщин, встречавших нас на остановках. Мы победили. Но очень дорого обошлась нам эта победа. И сейчас, спустя 40 лет,

я медленно прохожу возле памятников и обелисков, с болью в сердце вспоминаю своих товарищей, отдавших жизнь во имя Победы.

Я долго еще служил в рядах Советской Армии, а после демобилизации избрал себе самую мирную профессию – профессии учителя. Тридцать лет я впереди детей – у классной доски и, объясняя законы Ньютона или полёт ракеты, хочу одного: ПУСТЬ ВСЕГДА БУДЕТ МИР НА ЗЕМЛЕ!

Ольга Гурленя

**Прысвячаецца памяці маёй бабулі Рудзёнак
Еўфрасінні Цімафееўны – ураджэнкі в. Матырына
Ушацкага раёна**

Сціплая добрая бабуля Прасення
Часта прыходзіць мне ў сны па начах:
Сумныя вочы з блакштным адценнем
І, як заўсёды, слёзы у вачах.

Нярэдка ў дзяцінстве пытала я ў маці,
Чаму часта плача бабулячка ў нас.
– А як же не плакаць? Траіх пахаваці –
Сыноў двух, дачушку, – гучала ў адказ.

І пачынаўся аповед той сумны-
Балючае рэха далёкай вайны,
Як двое сыночкаў – прыгожых,
разумных

Забраў час ліхі буз усякай віны.

Згаз позірк абодвух сыноў прамяністы,
Лёс ім – маладзунькім – ляжаць у зямлі.
Найпершыя ў вёсцы былі гарманісты,
Уцеха і радасць для маці былі.

Старэйшы Змітрок у блакаду загінуў,
Фашыст у акопе яго расстраляў.
Малодшы Цімошка матулю пакінуў –
Кароў пад прымусам на станцыю гнаў.

І аніякай вестпчкі болей
Ад сына – падлетка дамоў не прыйшло.
І рвалася сэрца матулі ад болю,
Гарэла ў ім гора, смылела, пякло.

Ад хаты не сходзіла гэтае гора,
Прымусіла кубак свій выпіць да дна-
Трохгодка Любаша хварэла адзёрам,
Згарэла, як свечка, за тыдзень яна.

Як беднае сэрца ў знямозе стагнала!
Як жыць, як трываць і як не звар'яець?
З шасці траіх дзетак вайна адабрала,
А жыць юбыло трэба, астатніх глядзець.

Горкія слезы, нялёгкая праца
І ўсё ліхалецце тых цяжкіх гадоў –
Балець стала сэрца, стаў зрок пагаршацца,
А слёзы п дзецях ліла зноў і зноў.

І да зыходу ні на імгненне
Гора сваё не забыла яна.
Помню я вочы бабулі Прасенні...
Хай жа не губіць больш лёсы вайна!

Памяці майго дзядулі Аўласенка Івана Андрэвіча і ўсіх тых, хто аддаў жыццё за свабоду і незалежнасць нашай Радзімы

Па фотаздымку ведаю цябе
Зусім ужо ад часу пацямнелым.
Загінуў за Айчыну ў барацьбе
Ты, мой дзядуля, партызанам смелым.

Было табе на той час трыццаць пяць,
Сіротамі сыночкі засталіся,
І іх адной бабулі гадаваць
Прышлося са слязьмі, што ўсё ліліся.

Пайшла з жыцця салдацкаю ўдавой –
Не здрадзіла адзінаму каханню.
На небе, пэўна, стрэлася з табой
Галубкай белаю, жонкаю адданай.

Быў кавалём ты добрым, шмат што ўмеў
І чалавекам быў сумленным, чулым.

У кузні молат больш не зазвінеў,
Нават тады, калі вайна мінула.

Не даў табе лёс гушкаць на руках
Сваю ўнучку, ёй раскрыць абдымкі,
Ды ўсё ж бывае, што мне сніцца ў снах
Дзядуля малады мой з фотаздымка.

Так выйшла – за бязлітаснай вайной
Не зведала цяпла тваёй ладоні,
І горыч, што не стрэлася з табой,
У сэрцы не сцсхае нават сёння.

Жыве той боль варожае чаргі,
Што ў час ліхі прабіла твае грудзі...
Пад мірным небам песні і сцягі
Лунаюць хай, а войнаў больш не будзе.

Тамара Барадзёнак

Мой отец, Василий Маркиянович Клопов (старшина,

стрелок 126-й гаубичной артиллерийской бригады), родился 16 августа 1921 года в д. Клопы Ушачского района, до войны окончил Ушачскую вечернюю десятилетку, работал в райфинотделе. В 1940 году был призван на службу в армию. Не догадывался тогда, что эта служба продлится до 1945 года.

Война застала Василия Маркияновича на Украине, где он служил в полку тяжёлой артиллерии резерва Главного командующего. Сразу оказался в центре событий – в составе Киевского военного

округа охранял западную границу – Львов. Участвовал в обороне Киева и Харькова. Главной задачей артиллеристов была подготовка к наступлениям, планирование обстрелов, разрушение обороны противника. Как вспоминал ветеран, наши снаряды – очень мощные, по 100 кг веса – долетали до 15 км и почти не давали шансов на выживание фашистам. Однако, наши войска порой не были готовы к войне, часто приходилось идти в бой только с ручным оружием...

Случилось так, что их батарея на станции Фастов под Харьковом оказалась на передовой линии. Здесь пришлось артиллеристам быть и автоматчиками, и гранатометчиками, были уничтожены десятки фашистских машин и танков. В этом бою артиллерия полностью оправдала свое название «Боги войны».

С Юго-Западного фронта попал на Южный. Именно на Кавказе, на границе с Ираном, был один из самых сложных

участков фронта, где ожидался прорыв фашистских войск. В 1942 году, в боях за Закавказье, старшина был тяжело ранен, несколько месяцев пролежал в госпитале.

В полной мере испытал все тяготы войны, его часть была отправлена в самый трудный район – оборона Сталинграда также занесена в послужной список ветерана. Заново родился под Сталинградом – после взрыва бомбы его засыпало землей. К счастью, товарищи вовремя откопали, иначе оказался бы похоронен заживо.

Принимал участие в освобождении Кракова, Праги, других городов Чехословакии, Австрии. Известие о капитуляции нацистской Германии встретил в чехословацкой Моравии.

Бывший солдат вспоминал, что где бы он не находился, всегда слушал информацию с разных фронтов, а сердце болело за родные Ушачи, которые находились под оккупацией. Гражданскому населению приходилось переживать нечеловеческие испытания, о чем рассказывала жена фронтовика Любовь Игнатьевна, которая была связной у инструктора райкома партии Степаниды Борисовны Боркар и с первых дней сопротивления помогала в организации партизанского движения на территории района. А вот удостоверения участника войны не имеет.

– Как-то не до того было, не считала нужным, – рассказывает Любовь Игнатьевна. – В партизанах я не числилась, а после освобождения работали, восстанавливали хозяйство, за мужем ухаживала: Василий в войну был тяжело ранен, контужен – он не любит это вспоминать.

Василий Маркиянович испытал горечь отступления первых месяцев, героически защищал Родину, а затем преследовал нацистское зло и освободил не только свою землю, но и народы Европы. Имеет медали «За оборону Кавказа», «За оборону Киева», «За освобождение Чехословакии», «За воинские заслуги» и другие, Орден Отечественной войны. Уже в 90-летнем возрасте получил медаль «70 лет освобождения Украины от немецко-фашистских захватчиков». В момент вручения не мог сдержать слез: «Мы сохранили Киев! Если бы не приказ, мы бы все погибли, но не

отступили». Потери территорий во время боев тогда воспринимались, как личные.

После демобилизации вернулся на Ушаччину, женился, есть дочь. С 1947 по 1964 год работал секретарем Ушачского райисполкома, после ликвидации района стал мастером по ремонту часовых механизмов. Активно участвовал во многих районных мероприятиях. Дождался двух внуков и пятерых правнуков.

Умер на 97-ом году жизни 27 апреля 2018 года.

В жизни ветерана было много разных событий и праздников, но самым дорогим всегда оставался День Победы.

Майя Клопова (Секан)

Кирилл Терентьевич Подворный (1896-1993), ветеран Первой Мировой войны (1914-1918 гг.), и Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Мой дед, Кирилл Терентьевич Подворный родился 8 апреля 1896 года в д. Старина Великодолецкой волости Борисовского повета Минской губернии (ныне Великодолецкий сельсовет Ушачского района Витебской области) в семье крестьянина. В семье было 9 детей – шестеро своих детей и (трое) приемных детей-сирот от умерших близких родственников. Такая большая семья требовала напряжения и сил для их содержания: питания, одежды, других потребностей. Поэтому дети с малых лет привлекались к труду по самообслуживанию, а с подросткового возраста и к посильному труду по хозяйству: ухаживать за домашней птицей, а позже и пасти скот, пахать землю, косить траву и сушить сено – надо было как-то выживать, поэтому с малых лет дети нанимались на работы к помещику в д. Великие Дольцы. Здесь же в Великих Дольцах Кирилл окончил 3 класса церковно-приходской школы.

С 16 лет занимался сельскохозяйственным трудом в семье. Семья большая, трудолюбивая, православного вероисповедания жила за счёт своего труда на своём земельном наделе, неся одновременно все повинности перед государством. Дети приучались к бережному отношению к имуществу, любви к родителям, уважению к соседям. В семье все продукты питания, материалы для изготовления одежды производились своими руками и умением. Содержали лошадь, корову, овец, кур и гусей. Жена зимой, на примитивном ткацком станке, ткала льняные и суконные ткани из льняных и шерстяных нитей, которые сами

изготавливались – пряли на самодельном пряльном станке, который назывался коловорот.

Так жили все крестьянские семьи в деревне в начале 20 века. Деревня представляла собой крестьянскую общину. На деревенском собрании жителей (сходе) выбирали старейшину деревни. Для пастьбы скота устанавливалась очередность (рядовки), деревня содержала свою пожарную команду: каждый житель деревни знал, что, в случае пожара, он должен был бежать на тушение пожара с установленным для него инструментом: топор, лопата, ведро (для этого были изготовлены дощечки с рисунком этого инструмента (топоры, лопаты, ведра, лестницы и пр.). Эти дощечки с рисунками инструментов прибивались к стенке дома хозяина, они напоминали хозяину дома с каким инструментом он должен бежать на тушение пожара.

В начале 20 века деревня Старина входила в состав Великодолецкой волости, которая входила в состав Лепельского повета Витебской губернии.

Деревенский старейшина (назывался «старшыня») назначался волостным руководством и представлялся жителям деревни на общем собрании. Староста деревни или «старшыня» носил специальный нагрудный знак (в виде большой медали на цепочке). После революции 1917 года старшину деревни выбирали сами жители.

С начала 20 ст. обстановка в мире усложняется. Обостряются отношения в Европе, создаются группировки стран: Англия, Франция с одной стороны, Германия – с другой. Россия опасается нападений со стороны Германии и имеет сложные отношения с Японией, которые привели к русско-японской войне (нач. 20 в.). Внутри России обострились классовые противоречия, приведшие к революции 1905 года.

В 1914 году началась Первая Мировая война между крупными государствами: Англия, Франция, Россия с одной стороны, а Германия и ее союзники – с другой. Все это отражалось на жизни народов. Россия оказалась слабым звеном в англо-французско-русской коалиции. Назрела революция в России. Российский

император Николай второй отказался от престола. В России началась революция, которая переросла в Октябрьскую социалистическую революцию 1917 года. В этой обстановке русская армия начала разлагаться. Миллионы крестьян России в солдатских шинелях гибнут на фронтах.

В 1916 году Кирилл Терентьевич был призван в царскую армию в 25 запасной стрелковый полк в г. Бахмут в Украине, потом в составе 237 Гайворонского стрелкового полка 60-й стрелковой дивизии ефрейтором отправлен на фронт в Прибалтику. Случилось это перед Великой Октябрьской революцией. Фронтная обстановка тогда была своеобразной, всё чаще можно было услышать вопрос о том, что даёт народу эта война? Революционное настроение господствовало в войсках. «Долой войну!» – слышалось в армии. На многое открылись глаза в то время не только у Кирилла. Тысячи таких, как он начинали понимать, что империалистическая война не нужна простому народу. С конца 1917 года в царской армии идёт процесс разложения армии, солдаты образуют свои солдатские комитеты, проводят митинги, братание с солдатами противника. В окопах они встретили Великую Октябрьскую революцию, буквально всем полком вступили в Красную гвардию и стали на оборону Страны Советов от интервентов. С этого времени красноармеец Кирилл Подворный участвует в боях против белогвардейских войск. В марте 1918 г. полк был расформирован и Кирилла Терентьевича направили на 88-е Карачаевские курсы, где несли гарнизонную службу в городах Ельня, Рославль, Гомель. В июле 1919 г. направлен в 1-й Революционный полк в качестве красноармейца. Воевал на фронтах гражданской войны, затем на юго-западном направлении (Украина), по уничтожению бандитизма.

Шесть долгих лет с оружием в руках на разных фронтах воевал Кирилл Подворный. «Вся молодость войной прошла!» – вздыхая вспоминал те годы Кирилл Терентьевич. И только зимой 1922 года вернулся в родную деревню солдат. Одним из первых вступил в колхоз, честно и добросовестно работал, растил четырёх сыновей и казалось, что жизнь и дальше будет счастливой и безоблачной.

Рассказывает сын, Иван Кириллович: Вспомнился случай, связанный с колхозом. Наша семья еще не была в колхозе (это 1929 год). Мы обедали. Обед крестьянский простой: хлеб, суп крупяной, щи из капусты. В дом заходит житель нашей деревни Дрозд Мирон. Мать из вежливости приглашает его за стол, он отказывается. Потом посмотрел на окраец хлеба и говорит: «Разве это хлеб!» и достает из-за пазухи окраец хлеба из пшеничной муки и говорит: – «Вот какой хлеб едят колхозники!» Мирон Дрозд был уже колхозник и, видимо, специально носил краюху хлеба, чтобы агитировать вступление в колхоз единоличников, какими была и наша семья.

Колхоз в Старине образовался в 1929 году. Семья Кирилла Терентьевича вступила в колхоз в 1930 году. В колхоз была сдана повозка, плуг, борона, брика – повозка для перевозки сена, соломы и пр. а также пахотная и сенокосная земля. Так мы стали колхозниками колхоза «Згода» («Согласие»).

В семье 6 человек: отец

Кирилл
Терентьевич –
1896 г. рождения,
мать – Марфа
Дмитриевна –
1897 г. рождения.

Дети: Михаил –
1923 г.р. (Михаил
Кириллович погиб

в 1943 году в Вилейском районе в партизанской бригаде им. Гастелло, похоронен в д. Комаришки), Иван – 1925 г.р. (партизан, воин Советской армии, демобилизован в 1950 г.),

Виктор – 1927 г.р. (8 мая 1944 г. Виктор погиб при прорыве вражеской

блокады у д. Паперино Ушачского района. Ему было 17 лет),

Григорий – 1933 г.р.

О войне и думать не хотелось, но снова пришлось взять в руки оружие – вместе с тремя сыновьями ушли в партизаны. И снова повторились фронтовые дороги. Почти теми же путями пришлось пройти, что и в гражданскую войну. В 1943-1944 гг. был партизаном бригады им.Короткина. После прорыва блокады и освобождения района от немецко-фашистских захватчиков в июле 1944 г., добровольно ушёл на фронт, был пулемётчиком, потом командиром отделения. Первый раз под Ригой настигла вражеская пуля, но скоро опять вернулся в строй, вторая пуля вывела надолго – лечился в госпитале на Урале в г. Нижний Тагил. «Товарищ Подворный проявил стойкость и отвагу – 14 сентября 1944 года при прорыве обороны немцев одним из первых форсировал реку Лиелупе и в схватке с врагом уничтожил трёх немецких солдат и одного офицера. В битве за шоссе подбил автомобиль с боеприпасами и взял в плен водителя». Это выписка из документа о награждении орденом Красной Звезды младшего сержанта Подворного Кирилла Терентьевича, командира стрелкового отделения 599-го стрелкового полка 1-го Прибалтийского фронта.

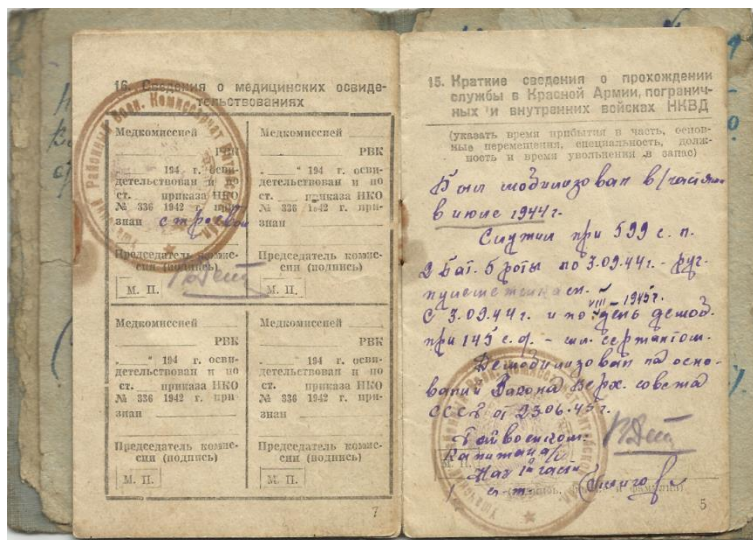
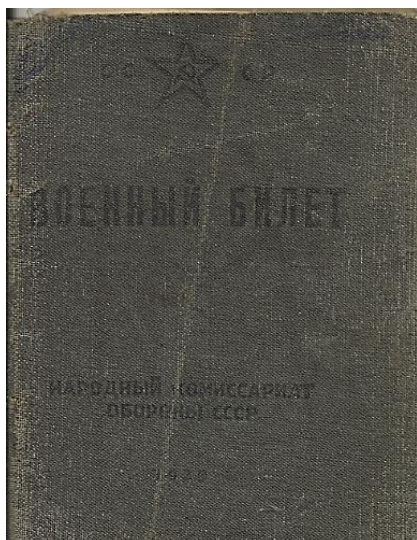
И снова суровая судьба не обминула. Из троих сыновей, ушедших с ним на фронт, в живых остался только один – Иван.

С орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны 2 степени и медалью «За победу над Германией» вернулся домой Кирилл Терентьевич Подворный в июле 1945 г.

Красноармейская книжка Подворного Кирилла Терентьевича

III. Участие в походах, награждения и отличия				IV. Вещевое имущество						
Когда где участвовал в боях. За что награжден	Месяц и число	Год и № приказа	Расписка командира роты	Наименование вещей	Количество		ВРЕМЯ			
					Выдано	Сдано	Выдачи		Сдачи	
					Год	Месяц и число	Год	Месяц и число	Год	Месяц и число
<i>Туркестанский фронт</i>	<i>19.8</i>	<i>1944</i>	<i>21/16</i>	Шапка (шлем) зимняя						
<i>Ранен</i>	<i>12.12.1944</i>			Пилотка	<i>1</i>		<i>45</i>	<i>4.07</i>		
<i>Ранен</i>	<i>31.1.45</i>			Фуражка						
				Шпатель	<i>1</i>		<i>45</i>	<i>4.07</i>		
				Гимнастерка сук.						
				Гимнастерка хл-б.	<i>1</i>		<i>45</i>	<i>4.07</i>		
				Шаровары сукон.						
				Шаровары хл-б.	<i>1</i>		<i>45</i>	<i>4.07</i>		

ПРИМЕЧАНИЯ:
 ко второму и третьему разделам
 1. Записи производятся командиром роты по данным приказов по части. При переводе в другую часть сведения о прохождении службы подшиваются начальником штаба части с приложением печати.
 2. По новому месту службы записи о дальнейшей службе делаются в этом же разделе.

Военный билет Подворного Кирилла Терентьевича

Подворный Михаил Кириллович (1923-1943 гг.) – старший сын Кирилла Терентьевича

В 1942 г. с группой товарищей ушел в партизаны в диверсионную группу майора Манохина, которая шла из-за фронта, а потом стала партизанским отрядом в Вилейском районе. Михаил числился партизаном бригады им. Гастелло Вилейской области с 25 марта 1943 г. 21 ноября 1943 г. погиб и похоронен в д. Комаришки Русскосельского сельсовета Вилейского района. Ему было 20 лет.

БЕЛОРУССКИЙ ШТАБ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ
 20 октября 1943 г.
 № _____

Форма № 6
 (Заполняется в 3-х экземплярах)
 ПОДВОРНОМУ Кириллу Т.
 Гр. Полоцкий (фамилия, имя, отчество)
 дер. Старина (точный адрес)

ИЗВЕЩЕНИЕ
 сына-подворный Михаил Кириллович -комсомолец
 Ваш Михаил Кириллович (имя, отчество)
молье к. работ. (должность в части)
 19 23 г. рождения, участник Великой Отечественной войны
 против немецко-фашистских оккупантов, ранее работавший дер. Старина
НСШ (название)
 в должности учитель
 учреждения, предприятия, учебного заведения)
 с 24 оклада в 24 месяца, в бою за Социалистическую родину против немецких захватчиков 21 ноября 1943 г. погиб
 (убит, был ранен и умер от ран)
 Похоронен дер. Комаришки, Калининский р-н
 (место похорон)

Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о назначении пенсии.
 м. п. Начальник штаба Начальник отдела кадров
 Зак. 2708

Подворный Виктор Кириллович (1927-1944 гг.) – один из средних сыновей Кирилла Терентьевича.

Числился рядовым в партизанском отряде Тябута бригады им. Пономаренко Витебской области с 20 сентября 1943 г. 8 мая 1944 г. Виктор погиб при прорыве блокады у д. Паперино Ушачского района. Ему было 17 лет.

Великая Отечественная война в судьбе И.К.Подворного (из книги воспоминаний)

Мой папа, Подворный Иван Кириллович, родился 25 января 1925 года в семье крестьянина в деревне Старина Великодолецкого сельсовета Ушачского района. С 10 августа 1943 года по июнь 1944 года – партизан бригады имени Пономаренко, действовавшей на территории Ушачского района (удостоверение партизана Белоруссии № 233421). С июня 1944 г. по март 1945 г. – пленный, рабочий велозавода «Эльфа». После бомбёжки завода, бежали и, пробиваясь на восток, вышли на своих. Сразу же был призван в Советскую армию полевым военкоматом 5-й ударной армии 28 марта 1945 года и направлен в 13 Гвардейскую дивизию (полевая почта

07305). Участвовал в боях за города Котбус, Эстельверде, Дрезден, Торгау. Освобождал Прагу (командир отделения автоматчиков – сержант). По окончании Великой Отечественной войны служил в войсках ЦГВ (Центральной Группы Войск) в составе 13-й гвардейской дивизии в Чехословакии (до ноября 1945 г.), а затем до июля 1950 г. служил в Австрии (г. Вена). В июле 1950 г. демобилизован в звании старшины.

Награды:

1. Орден Отечественной войны 2-й степени
2. Медаль «За освобождение Праги»
3. Медаль «За победу над Германией» в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.
4. Юбилейные медали Вооруженных сил, медали Победы в Отечественной войне.

Последние два года своей жизни, в возрасте 88-90 лет, папа писал воспоминания о войне, о жизни до войны и после. Эти четыре томика его тетрадей – как семейная реликвия, как компас, по которому мы просто обязаны идти по жизни! В этих книгах, его дневниках, его письмах и заметках – собрана вся боль белорусского народа, его слава и его гордость за каждого погибшего и выжившего в этом горниле войны.

Кажется, что о войне всё было сказано, но, читая воспоминания ветеранов, всё чаще приходишь к мысли, что у каждого солдата, офицера, их матерей, жён, детей была своя личная война, своя боль и своя беда.

«... Как это было...» – вспоминает И.К.Подворный

5 мая 1944 года был прерван фронт окружения партизанских бригад в Матыринском лесу. Но это не значит, что бригады вырвались. Да, мы вырвались из Матыринского леса, но теперь завязались быстротечные и многочисленные бои на всей территории партизанского края. Ведь на этой территории были сосредоточены 60 тысяч немецко-фашистских войск, прошедших боевые действия, закалённых в боях, с современной, по тем временам, боевой техникой и оружием – танками, артиллерией, самолётами. Начались бои по всей территории района, что очень усложняло военные действия, т.к. бригады не могли сосредоточить свои силы в одном месте, да это и нельзя было делать, потому что объединение бригад было бы гибелью для всей группировки. Поэтому бригады действовали самостоятельно. Некоторые отряды и просто группы партизан были разбросаны по всей территории района. Уже не могло быть того единого командования группой бригад. Наша незначительная группа партизан, преследуемая фашистами, подалась в леса западнее Ушач. Но там тоже фашисты. Пришлось отклониться немного южнее. Цель была одна – пробиться в болота и леса Березинского заповедника. Так мы блуждали по лесам и болотам до конца мая. Кормились прошлогодней клюквой, лягушачьей икрой и мясом убитых лошадей, особенно возле дорог. Когда находишь убитую лошадь, с уже выклеванными вороньём глазами, отрезаешь часть мякоти,

ножом строгаешь этот кусок на очень мелкие кусочки и отправляешь в рот. Жуёшь и, не дыша, проглатываешь. А лягушачья икра в болотистых водоёмах была настоящим деликатесом – французы бы позавидовали. В конце мая 1944 г. мы пробились в лес и увидели недалеко какую-то деревню. Осторожно разведали обстановку и поняли, что там расположен немецкий гарнизон. Нас осталось три человека. У нас есть винтовки, но нет патронов. Да и место какое-то подозрительное. Решили здесь не задерживаться. Отдохнули в кустах и пошли дальше. Забились в какое-то болото и пересидели до темноты. Сначала был слышен лай собак в лесу и одиночные выстрелы. Значит, прочёсывают лес. В болото немцы не полезут, а если это эсэсовцы-латыши, то полезут и в болото. Вечерело. Решили дождаться темноты. Винтовки утопили в болоте, так как они без патронов были бесполезны, только мешали. Подались в восточном направлении, не имея представления о том, где конкретно мы находимся. Шли всю ночь и только на рассвете в каком-то лесочке сели отдохнуть. Спать нельзя, но голова склоняется к коленям и вздрагиваю от нервного напряжения. Приказываю себе: «Не спать!» Но приказ не действует. Уже вошло солнце, и мы решили уходить. Рядом услышали какое-то движение и к нам выскакивают четыре человека в советских военных гимнастёрках, поверх надеты какие-то гражданские пиджаки, а в руках – немецкие автоматы. Сразу вопросы – кто такие, какой бригады? Окружили и повели в деревню. Там полно немцев. Но здесь не остановились, погнали нас дальше. Шли мы очень долго, возможно, от усталости так показалось. Наконец привели в Лепель и на окраине Лепеля загнали в казарму. Там полно народу – сидят, лежат на двухуровневых нарах. Один пошутил: «Нам пополнение!» Но никто его не поддержал – не до шуток было. Так мы оказались в плену. Уснул на нарах моментально и проснулся только утром, когда принесли завтрак – в пустой банке из-под консервов плавала какая-то, ещё тёплая, баланда типа затирки. После завтрака прилёг, потому что раскалывалась и шумела голова, сильно знобило... И я отключился, видимо надолго. Пришёл в себя в каком-то небольшом сарае, рядом

лежат такие же, как и я. Зашла женщина, принесла еду – суп в консервной банке. Подала мне и сказала, чтобы я ел, потому что, якобы я долго ничем не питался, а силы надо беречь. Я удивился, но она объяснила, что здесь находятся больные сыпным тифом и я без сознания уже девять дней.

На следующий день нас всех из казармы и, кто мог передвигаться из сарая, построили во дворе в колонну и погнали по шоссе на дороге Лепель-Бегомль. Вечером, уже за Бегомлем, нас остановили в поле, огороженном колючей проволокой. Я сразу упал и отключился. Ночью проснулся от криков пленных и выстрелов. Это охранники заподозрили в побеге и стали стрелять по пленным. Несколько человек убили.

Чувствую себя очень плохо, сапоги совсем дошли, ноги изрезал до крови, знобит, но держусь изо всех сил. Пригнали на железнодорожную станцию Парафьяново Докшицкого района, погрузили на железнодорожные платформы (это такие вагоны, в которых нет крыши, а стенки высотой меньше метра). На нашей платформе в её задней части было какое-то возвышение. Оказалось, что это груда чемоданов и сумок, на которых сидела группа пожилых людей, чисто одетых, в костюмах и в руках у одного из них скрипка, а у другого – аккордеон. Им весело – улыбаются, смеются, играют и поют, короче, радуются жизни. Я внимательно их рассмотрел, потому что мне было интересно знать, кто это такие. Который со скрипкой оказался нашим преподавателем музыки и пения в Лепельском педучилище, его фамилия – Гончаров. Они убегали от наступающей Красной Армии, потому как служили фашистам полицаями.

Привезли нас на какую-то железнодорожную станцию, высадили, построили. К нашим конвоирам добавили ещё солдат с собаками и повели нас от станции не в город, а в поле. Вскоре привели к воротам площадки, огороженной колючей проволокой. Это был такой концлагерь. Дня через два стали подъезжать немцы-купцы, которые из толпы пленных выбирали более-менее молодых «доходяг». Так меня и ещё 11 «доходяг» посадили в грузовик и куда-то повезли. Через некоторое время въехали в небольшой

городок, заехали в огороженный участок со строениями. Повели в небольшое здание, обтянутое высокой металлической сеткой. Приняли нас два старых немца в военной форме, завели в барак с двухъярусными койками. Мне показали на второй ярус в дальнем углу. Оказывается, нас привезли на велосипедную фабрику в городе Эстельверде. Там я проработал до марта 1945 года.

Во время авиационного налёта наших советских лётчиков, нам удалось бежать и за неделю выйти в тыл к нашим частям. Вскоре я был уже рядовым 214-го отдельного запасного стрелкового полка, а потом и гвардии рядовым 42-го гвардейского мотопехотного полка 13-й Гвардейской мотострелковой дивизии 5-й Гвардейской армии 1-го Украинского фронта. Это произошло 24 марта 1945 года.

Иван Подворный – фронтовик!

Итак, я – солдат. В каком-то селении Германии, в присутствии небольшого количества воинских подразделений, приняли присягу на верность Родине. До этого события мы, все новенькие, прошли собеседование с представителями спецслужб. По прибытии в 3-ю роту, командир роты поинтересовался владею ли я каким-либо оружием. Ответил, что винтовкой, автоматом ППШ, пистолетом, станковым пулемётом «Максим», гранатами РГ, Ф-1, противотанковой. На вопрос, где я овладел такими навыками, ответил – в партизанской бригаде им. Пономаренко в Белоруссии. Мне выдали автомат ППШ, запасной диск, сапёрную лопату и две гранаты Ф-1. Сравнительно быстро я адаптировался в новой для меня обстановке. На одном месте мы долго не задерживались. Так от Одера и Нейсы мы шли по Германии до реки Эльбы. Политрук роты, при первой возможности, вводил нас в курс событий. Пояснял нам нашу задачу: главная цель – с боями зайти на запад от Берлина, чтобы завершить окружение немецкой группы войск, ведущих бои в Берлинской группировке немецких войск, не дать им отойти на запад.

25 апреля 1945 г. наша 13-я Гвардейская дивизия ворвалась в город Торгау на реке Эльба. На противоположной, западной стороне Эльбы, подошли и расположились американские войска.

Мост через Эльбу был взорван. Наши солдаты на берегу реки стали махать руками с автоматами в руках, касками, приветствуя американских солдат на противоположной стороне реки. Они, в свою очередь, тоже приветствовали наших солдат. В это время командир нашего взвода приказал мне (я уже был в звании младшего сержанта командиром отделения автоматчиков) с моим отделением конвоировать группу пленных немцев в место сбора пленных. Их оказалось сто двенадцать человек. Мы, 10 автоматчиков, погнали их в тыл. В пути пробыли около двух часов. Сдали пленных на месте их сбора и на попутной машине вернулись к Эльбе. К этому времени главная часть встречи с американцами уже прошла. Эта встреча была 25 апреля 1945 года.

КСТАТИ: Много лет спустя, я читал в книге одного американского автора об этой встрече на Эльбе наших и американских солдат. Он писал, что наш командующий первым Украинским фронтом маршал Советского Союза Иван Степанович Конев пригласил американских высших офицеров на торжественную встречу. И вот генерал Клемент Эттли, собираясь на эту встречу, по-своему подготовился к ней. Ему сказали, что русские много употребляют спиртных напитков, поэтому, чтобы не опозориться перед русскими, заранее съел много сливочного масла, считая, что это поможет ему лучше перенести чрезмерное употребление спиртного. Каково же было его разочарование, когда И.С.Конев пил только минеральную воду, сославшись на болезнь желудка. Нам, солдатам, вечером на ужин выдали по сто граммов водки, так называемых «фронтовых сто граммов».

Так я был свидетелем исторического события – встреча на реке Эльба в Германии солдат и офицеров Советского Союза и Соединённых штатов Америки, союзников в борьбе против фашистской Германии.

После 25 апреля наша 5-я Гвардейская армия, в составе которой была наша 13-я Гвардейская мотострелковая дивизия, продолжала с боями пробиваться в обход Берлина на запад от Берлина. Цель этого тяжёлого похода, как объяснял нам политрук

роты, отрезать путь немецким войскам, снимаемым с Западного фронта на помощь Берлинским соединениям немецких армий.

2 мая 1945 г. Берлин, столица Германии, был полностью очищен от остатков немецких подразделений. Первый Украинский фронт направил все свои силы на Дрезденско-Пражское направление. Наша 5-я Гвардейская армия (командующий генерал Алексей Семёнович Жадов) произвела марш-бросок на Дрезден. Остановились перед мощной немецкой оборонительной линией в 60 километрах от Дрездена 5 мая. Окопались, подтянули оставшиеся части.

КСТАТИ: Этот марш-бросок на Дрезденское направление длился с 3 по 6 мая. Интересное зрелище. Двигутся колонны техники – танки, транспортёры, артиллерия разных калибров, реактивные установки «Катюши». По обочине дорог идут пешие колонны солдат, кавалерийские части, повозки, в упряжи которых лошади, ослы, вьючные верблюды. От наблюдения такого зрелища дух захватывает. Идёт огромная сила. Когда в поле зрения попадают колонны кавалерии – ослы и верблюды впечатляют особенно. Двигается орда освободителей. Нет, это не орда, а огромная сила возмездия.

Итак, мы на новом направлении. Впереди (за 40-50 км) – Дрезден. На рассвете следующего дня ударила артиллерия. Это зрелище, которое невозможно передать словами. Артналёт продолжался 40 мин. Потом – атака танков и пехоты. Прорвали первую линию вражеской обороны, вторую, третью и вышли на оперативный простор. Мы садимся на броню танков и вперёд. Проходим деревни, мелкие городские поселения. Танки останавливаются, мы окапываемся. Местами немцы пытаются оказать сопротивление – сходу уничтожаем и идём дальше. А сзади, на расстоянии 15-20 км, идут наши войска.

7 мая начали штурм Дрездена. Ворвались в город. Во многих местах Дрездена развалины, в отдельных кварталах города завалы разрушенных городских улиц. До этого по Дрездену нанесла удар американская бомбардировочная авиация. Американцы наносят бомбовые удары не по отдельным целям, а по площадям. На

бомбёжку крупного города налетает сразу несколько сот самолётов-бомбардировщиков. Вся эта масса бомбардировщиков идёт волнами – первая волна, вторая, иногда и более трёх волн. Каждая волна высыпает свой бомбовый запас. Разрушения в городе, после разгрузки таких волн, огромные. Дрезден пришлось прочёсывать 7 и 8 мая. Бои шли упорные. Особенно в многоэтажных зданиях и в подвалах.

Пример: Для борьбы в городе, где надо брать каждый дом, штурмовать многоэтажный дом ротой или взводом не выгодно – большие потери в живой силе. Поэтому мы применяли тактику двух солдат – ведущий и ведомый. Допустим, на штурм и взятие определённого подъезда, мы идём по два человека – я иду ведущим, а за мной, на расстоянии двух-трёх метров, идёт ведомый. Я вбегаю на первый пролёт лестницы, мой ведомый идёт ниже. Я оказываюсь на лестничной площадке, голова напарника ещё находится на уровне пола, он может легко прикрыть меня огнём, если с коридора и входной двери на этаже появится противник. Так мы обследуем весь этаж. В это время вторая пара уже врывается на второй этаж, третья – на следующий. И так пары ведут борьбу во всём доме. Если взвод солдат штурмует один подъезд или два, то рота солдат одновременно охватывает весь дом. Конечно, в бою в подъезде дома, на этажах, подвалах, нужна быстрота, напористость, умение мгновенно оценивать обстановку.

Таким способом день 7 мая, ночь и потом день 8 мая мы освобождали Дрезден. К вечеру 8 мая мы собрались на выходе из города на дороге. В это время ехал кто-то из наших генералов, остановился и обратился к нам: «Товарищи бойцы! Немцы подписали акт о капитуляции и сдаче немецких войск». Наша огромная толпа замерла – это было мгновение... И вдруг раздалось оглушительное УРА!!! Солдаты без команды моментально выхватили генерала из машины и давай его качать на Ура! Солдаты обнимались и поздравляли друг друга с победой.

И в этой ликующей толпе раздался командный голос: «По машинам! В боевой порядок строиться!» Мы быстро разобрались по полкам, по ротам. Стали подъезжать танки, мы, десантники,

быстро заняли свои места. Нам объяснили порядок движения, какие могут возникнуть трудности в пути. Моё отделение устроилось на танке Т-34 № 109. Прозвучала команда движения. И колонна танков двинулась вперёд. Маршрут – через Рудные горы на Прагу. Мы, солдаты, с трудом представляли, что это за Рудные горы. Но горы есть горы, хотя они и Рудные. И трудности этого перехода нам вскорости пришлось перенести на себе. Это не только крутые повороты, подъёмы и спуски, это ещё и проходы по краю пропасти, когда с одной стороны громада высоких скал, а с другой – бездна пропасти. Это ещё и пулемётные гнёзда – ячейки высоко в горах почти над дорогой, из которых внезапно открывался пулемётный огонь по солдатам, сидящим на бортах танков. Эти гнёзда среди скал находились недалеко от дороги и когда подбивался танк, останавливалось движение колонны. Приходилось десантной пехоте карабкаться по скалам для уничтожения пулемётного гнезда, а в это время танкисты сбрасывали с дороги в пропасть подбитую машину и снова в путь. И так неоднократно на протяжении всего пути следования. Путь оказался длинным и нелёгким. К рассвету стало легче – засады перестали встречаться, путь стал менее опасен, скорость передвижения увеличилась. Постепенно горы стали отступать, стали появляться мирные селения. С восходом солнца мы были в Праге. Не знаю, как в городе разводились маршруты для частей и подразделений, только наша часть остановилась в районе Вацлавской площади. Наконец-таки Прага! Утро 9 мая. Ведь это конец войны!!!

И вновь продолжается бой...

Да! Это конец войны, но... не конец зачистки территории освобождённого государства. В освобождении Чехословакии участвовали 1-й Украинский, 2-й Украинский и 4-й Украинский фронты Красной Армии, Чехословацкий корпус, Польская армия.

Остатки немецких войск и так называемая «Русская освободительная армия генерала Власова» не хотели сдаваться советским войскам. Они (я имею ввиду немецких генералов и особенно изменников Родины из армии Власова) стремились

прорваться к американцам, которые наступали с запада и в это время уже дошли до Чехословакии и даже освободили от немецких оккупантов чехословацкий город Пльзен на западе Чехословакии. Поэтому остатки немецких войск и армия Власова стремились на запад, чтобы сдаться в плен американцам. Политрук нашего 2-го батальона 42-го гвардейского полка пояснил нам почему наши войска в Чехословакии получили приказ не допустить ухода этих немецких войск и армии Власова к американцам.

Переночевав, в ночь с 9 на 10 мая, в так называемых «инвалидных казармах» чешской армии в Праге, утром наша дивизия (13-я гвардейская), получив боезапас вместе с другими армейскими соединениями вышли наперерез немецким войскам. Завязались тяжелые бои с применением артиллерии, танков, самолётов с обеих сторон. Это не фронтовые сражения, а вылавливание противника на всей территории от Праги до города Пльзен. Эта операция продолжалась до 20 мая 1945 года. Конечно, были убитые и раненые с обеих сторон. Морально очень тяжело воевать и терять жизнь после окончания войны. Но воинский долг обязывает. И в боях забываешь, что война окончилась. 20 мая наше подразделение вместе с другими ротами 42 Гвардейского полка было недалеко от г. Пльзен. Поставленная задача была выполнена успешно. Немецкие части были взяты в плен (я имею ввиду оставшиеся в живых). Многие немецкие солдаты, видя безнадежность своего положения, сдавались в плен. Остатки армии Власова были пленены и сам генерал Власов со своим штабом взяты в плен, отправлены в Советский Союз. Там с ними разбирались власти. Конец генерала Власова – он был казнён. Это он заслужил.

Итак, 20 мая 1945 г. для меня, как и для всего личного состава частей Советской армии, наступил долгожданный мир. Походным строем мы отправились в сторону Праги. Не доходя 16 км до Праги, мы вошли в г. Миловица, в котором мы будем стоять в летних лагерях. В Миловице были деревянные бараки. Здесь ранее (до войны) располагалась чехословацкая воинская часть, при немецкой оккупации – немецкая воинская часть. А вот теперь с 20 мая 1945

года будет стоять 13-я Гвардейская Краснознамённая Полтавская орденов Суворова и Кутузова моторизованная дивизия. На окраине этого городка, рядом с нашими казармами, был небольшой лесок, несколько дальше – симпатичная берёзовая роща. Деревья не старые, средний диаметр ствола на уровне груди человека около 20-30 см. Роща в хорошем состоянии, чистая, деревья ухоженные. В свободное время мы, солдаты и сержанты, любили там отдыхать, следили за порядком и чистотой рощи.

22 мая с утра политрук роты на построении роты объявил, что сегодня в 15.00 полк будет праздновать День победы. Нашему 2-му батальону нужно будет поставить столы, скамейки. Их привезут на специально подобранную площадку в нашей берёзовой роще. Столов и скамеек надо много. Мы после построения прикинули, что это надо поставить не менее 15 столов только для нашего полка. К 15.00 часам лесной зал был подготовлен. Солдаты тоже навели марафет – начистили сапоги, подшили свежие подворотнички, навели причёски. К назначенному времени каждая рота строем прибыла к месту бала Победы. Столы уже накрыты, расставлены холодные закуски, нарезан хлеб, стоят 100-граммовые стаканчики, которых мы не видели уже давно, стоят бутылки с водкой (на этикетках «Особая Московская») Глаза разбегаются. Чувствуется торжественность обстановки. Солдаты стали серьёзными, переговариваются в полголоса, стали типа джентльменами. Во главе всех столов особый стол на небольшом возвышении для полкового начальства. Заместитель командира полка по политической части предложил командирам рот рассаживать за своими столами военнослужащих. Солдаты степенно заняли свои места за столами. Под аплодисменты всего полка заняли свои места офицеры штаба полка, командиры батальонов и их службы. Зам. командира полка по политчасти выступил с 15-минутной речью. Поздравил солдат и офицеров с Победой. Солдаты выпили свои победные 100 граммов и приступили к обеду. Водки на столах было поставлено из расчёта 100 гр. на человека. После первого тоста бутылки на столах остались пустые. Их солдаты-официанты незаметно убрали со столов. И тут появляется командир нашей 13-

й гвардейской дивизии генерал Родимцев. Он поздравляет солдат и офицеров с Победой. Солдаты заученно прокричали «Ура!!!». Появляется на столах водка из расчёта 100 гр. на человека. Солдаты выпили, закусывают. По ходу начинаются оживлённые разговоры, воспоминания из боёв. Народ повеселел, расслабился. В это время появляется командующий 5-й Гвардейской армии генерал Жадов со свитой армейских офицеров, поздравляет всех с Победой. Снова над рощей разнеслось весёлое «Ура!!!». Солдаты выскочили из-за столов, подхватили генерала Жадова и начали его качать на «Ура!». На столах снова появилась водка от генерала Жадова. Торжественный обед с шутками, прибаутками продолжился. Уже более весело. Так наш 42-й гвардейский краснознаменный полк встретил и провёл праздник Победы 22 мая 1945 года.

После праздника начались обыкновенные будни – занятия по боевой и политической подготовке. Солдаты входили в курс и во вкус мирной жизни: по расписанию подъём, физзарядка, строевая подготовка, изучение огневых средств – пулемёт «Максим», винтовка, гранаты и другие виды стрелкового оружия, боевые стрельбы, политучёба (биография тов. Сталина, история ВКПб). Среди солдат пошёл слух, что скоро начнётся демобилизация старших возрастов солдат и сержантов. Раз пошёл такой слух, солдаты знают, что скоро будет и Указ по данному вопросу. 1 июня 1945 года меня вызвали в штаб батальона и отдали приказ о переводе меня из 3-й роты в пулемётную роту на должность старшины роты. Старшина пулемётной роты Ионов Иван Иосифович демобилизуется из армии по возрасту.

Справка: Ионов И.И., 1898 г.р., житель города Ош Киргизской ССР, прибыл в Красную Армию по призыву в 1943 г., участвовал в боях в Сталинграде в качестве рядового пулемётного расчёта. В 1944 году сержант Ионов участвует в сражениях на Украине, Польше. С октября 1944 г. – старшина пулемётной роты.

Ну что ж, надо идти принимать новую должность. Иван Иосифович встретил меня учтиво и признался, что это он рекомендовал своему командиру роты назначить меня на

должность старшины роты после его демобилизации. Со старшиной Ионовым я знаком был ещё со встречи с американцами на Эльбе. Мы поговорили о личном составе пулемётной роты, об особенностях работы старшины роты. Он дал мне много полезных советов. Потом приступили к передаче ротного имущества. Всё это записали в акте передачи и приёмки имущества. Потом он показал мне трофей: трубка хорошего немецкого сукна для немецкого обмундирования (офицерских мундиров). Сказал: «Это на своё усмотрение. Я для себя отрезал 3 м. Будешь отправлять стариков на дембель, выдавай по отрезу на твоё усмотрение. Командир роты знает об этой заначке. Можешь советоваться с ним».

Так я стал старшиной пулемётной роты. В 1945-1946 гг. демобилизовывали старослужащих солдат и сержантов, получали пополнения в основном из запасных полков. Демобилизованным из нашей пулемётной роты всегда вручали подарок – трёхметровый отрез шерстяного материала.

Кстати: Однажды получаю письмо. Обратный адрес – Московская область, село Раменское от Серова В.С. Это наш бывший пулемётчик. Пишет, что он уже дома. Приехал, сдал своё обмундирование в военкомат и остался без приличной одежды. Очень помог ему на первых порах ротный подарок. Он сшил себе приличный костюм. Потом приходили и другие подобные письма. Это трудности, с которыми встретились защитники Отечества после демобилизации. Часто в этих письмах были замазаны тушью многие предложения. Это работала государственная цензура. Нам было понятно о чём речь.

Лето 1945 года прошло в совершенствовании военного мастерства, в учениях на уровне полков, дивизий. Мы, молодёжь, нажимали на военно-спортивную подготовку: бег на дистанции, работа на турнике, брусьях, прыжки вверх через препятствие в длину, прыжки через «козла» или «кобылу».

Однажды я лежал в выходной день в нашем лесочке, заваленном разбитой немецкой техникой (танки, транспортёры), свезённой сюда чехами с окружающих полей. Погода была хорошая, солнечная. Залез на немецкий транспортёр, нагретый

солнцем. На других трофеях лежали другие отдыхающие солдаты и сержанты. Лежу и в уме перебираю свой путь, сожжённую деревню, баню, в которой остались мать и самый меньший из братьев Гриша. Писал письма домой, ответов нет. Не знаю, что там случилось, что нет писем, где отец? И вдруг вспомнил, что мне всего 20 лет. Я вскочил и закричал: Мне же только 20 лет!! Как начали вскакивать многие солдаты и сержанты и кричать: мне 20, мне 21, 22... Потом все успокоились. Стало тихо, тихо. И долго никто не произносил ни слова...Прошёл какой-то дурацкий психоз взрывом не то гордости за то, что мы это сделали, что мы такие молодые, не то сожалением, что мы уже старые, закалённые солдаты в таком юном возрасте, не то грустью о погибших товарищах...

Наконец, получил письмо из дома. Пишет Гриша. Он и мама живут вдвоём в бане. Отца ещё дома нет. Он пишет из города Нижний Тагил из госпиталя. На запрос в Минск о судьбе братьев ответили, что Миша погиб в партизанской бригаде в Вилейской области, Витя – в нашем Ушачском районе во время прорыва вражеской блокады.

Австрия 1949 год. Второй справа – мой папа Подворный Иван Кириллович. Здесь ему 24 года.

Спасибо Вам за то, что мы войны не знали!
Не хоронили мы друзей, родных и близких.
И не всегда, читая, понимали –
Войну ведь выиграли вчерашние мальчишки!

Лариса Толмачёва (Подворная)

«Мне есть, на кого равняться...»

Каждая семья имеет свои корни, свою неповторимую историю, свои воспоминания. В нашей семье хранится архив моего прадедушки **Подворного Ивана Кирилловича**. Этот архив имеет для нас великую ценность. В нём его дневники и награды, и, конечно же, огромное количество фотографий.

Детские и юношеские годы

Из рассказов папы я узнал, что мой прадед, Подворный Иван Кириллович родился 25 января 1925 года в семье трудолюбивых крестьян в деревне Старина Ушачского района.

Его отец, мой прапрадед Подворный Кирилл Терентьевич, участвовал в Первой Мировой войне. Ему было 19 лет, когда его призвали в Царскую армию. Пять долгих лет ему пришлось не выпускать оружие из рук. Вернулся с войны и создал семью. Появились дети. А через 20 лет началась Вторая Мировая война. Вместе с тремя сыновьями Кирилл Терентьевич пошёл в партизаны. Они смело сражались против фашистов. Мой прапрадед имел много орденов и медалей, некоторые из них хранятся у нас дома.

Моя прапрабабушка, Марфа Дмитриевна, всю жизнь проработала в колхозе, на животноводческой ферме, ходила на полевые работы. После войны, как и все женщины, запрягалась в плуг для подготовки почвы для посева. Носила пешим ходом зерно из Полоцка, которым засеивали поля. Она вырастила 4 сыновей, двое из которых погибли в годы войны.

Детство моего прадедушки, как и всех детей того времени, было трудным. В семье было 6 человек: мать, отец и четверо сыновей. Родители имели несколько гектаров земли, корову, овец, свиней и лошадь по кличке Голуб.

Мой дедушка, Михаил Иванович, рассказывал, что, когда его отцу было всего 5 лет, в колхозе появился первый трактор «Форзон». А их лошадь боялась тракторного шума и ей приходилось закрывать глаза мешком, чтобы та не пугалась.

В своих воспоминаниях мой прадедушка описал, как он пошёл в школу. Однажды утром соседский мальчишка Федя шёл в школу и увидел, как маленький Ваня играет на улице. Он сказал ему: «Ваня, пойдём в школу». Тот и пошёл. Учительница не хотела зачислять в первый класс семилетнего Ивана, но Федя сказал, что Иван умеет читать, писать, считать до ста и обратно. Тогда учительница устроила Ване экзамен, после чего зачислила его в первый класс. И вот 1 сентября 1931 года Иван стал первоклассником досрочно, так как по закону, в то время, в первый класс принимались дети с восьми лет.

Букваря моему прадедушке не хватило и ему выдали книжку для третьего класса «Весенние всходы». А после окончания первой четверти Ивана перевели во второй класс. Так мой прадедушка за первый учебный год окончил два класса. Ещё мой прадедушка писал, что когда он окончил четвёртый класс в деревне Старина, то 1 сентября 1934 года пошёл в пятый класс Великодолецкой семилетней школы. В ней кроме уроков работали кружки. Там он впервые научился играть в шахматы. В 1937 году поступил в восьмой класс Кубличской средней школы, жил в интернате. Каждый день было по 6 уроков, а в субботу – 5. На выходной он уходил домой – пешком 2 часа. Прадедушка писал, что труднее всего было, когда наступала зима и дорогу заносило снегом. А дорога вела через поле и лес.

Военное лихолетье

А ещё из воспоминаний прадедушки я узнал, что самый требовательный учитель вёл белорусский язык. И вот когда в 1941 году он учился в Лепельском педагогическом училище, с ним произошёл случай. На уроке белорусского языка его вызвали к доске, и он быстро, чётко и ясно отвечал. Учитель заинтересовался из какой он школы. Иван ответил, что из Кубличской школы

Ушачского района. В ответ он услышал: «Садись, я ставлю тебе пятёрку». После этого у всех учеников Кубличской школы по белорусскому языку были только пятёрки. И это неспроста, ведь их знания были на самом высоком уровне.

Изучая различные статьи из газет, а также записи с воспоминаниями, я узнал, что война застала моего прадеда во время учёбы в Лепельском педагогическом училище. Шестнадцатилетнего Ивана не брали ещё в действующую армию, поэтому он пошёл в партизаны. Был участником партизанской бригады имени Пономаренко. В свои 18 лет Иван был назначен комендантом д. Кубличи.

После назначения ему прислали помощника-партизана, выдали повозку и лошадь, бельгийскую винтовку с пятью патронами к ней и две гранаты. Прадедушка организовал копку ям-хранилищ для заготовки картофеля и зерна. Эти ямы были укрыты и замаскированы. Возле них были сделаны тайные пометки их нахождения, которые были нанесены на план местности. У коменданта было много забот: хозяйственные работы, расположение групп подрывников по квартирам, связь со старостами подчинённых ему деревень. А ещё работа со связными из соседних деревень. Летом 1943 года мой прадедушка заехал к себе домой в д. Старина. Он узнал, что его семья живёт в бане. Немецкая авиация разбомбила и сожгла деревню. Самолёты сбрасывали зажигательные бомбы, которые поджигали соломенные крыши домов. Осенью 1943 года на границе Ушачского района появлялось всё больше немецких войск. 16 партизанских бригад к весне 1944 года были окружены шестидесятитысячной немецкой армией с танками и самолётами. Они бомбили не только Ушачи, но и все деревни района. Бригада имени Пономаренко держала оборону по шоссе Лепель-Полоцк. Начались бои по всей территории района. Бригады не могли сосредоточить свои силы в одном месте, поэтому все действовали самостоятельно. Но многократно преобладающие силы фашистов окружили партизан и взяли их в жёсткое кольцо.

Прадедушка в своих воспоминаниях описывал, как погибали партизаны от пуль и снарядов фашистских войск. Однако героически прорвали окружение и вывели мирных жителей. Вот так закончился легендарный Прорыв. В скором времени, после освобождения района моя прапрабабушка Марфа Дмитриевна получила из архива сообщение, что её сыновья Михаил и Виктор погибли в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Двадцатилетний Михаил – в Вилейской области, а семнадцатилетний Виктор – во время прорыва в Ушачском районе.

В июле 1945 года из Праги пришло письмо, написанное прадедушкой и моя прапрабабушка наконец узнала, что её сын Иван жив.

В письме Иван Кириллович написал, что он воевал на Первом Украинском фронте. Его часть участвовала во взятии немецкого города Дрезден, австрийского города Вена и чешского города Прага. Там мой прадед и встретил Победу.

Но служба для него не закончилась. В рядах Советской Армии мой прадед прослужил до 1950 года на территории Австрии.

В 1949 году моему прадедушке дали отпуск, и он поехал домой. Родительский дом был разрушен фашистами, и семья жила в землянке. Отец его был три раза ранен, после чего долго восстанавливался, но не глядя на трудности начал строить новый дом. Денег на строительство, конечно же, не было. А Ивану Кирилловичу за время службы в Армии перечисляли деньги на банковскую книжку. Тогда он снял 5000 рублей и отдал их отцу на строительство. Так был построен новый дом.

После отпуска прадедушка вернулся на службу и ещё один год провёл в Вене.

У моего папы хранятся награды прадедушки, а в дневниках указано, за что он их получил. Их очень много. Когда я беру медали в руки и рассматриваю их, то ощущаю огромную гордость. Награды нам очень дороги, как воспоминания о его участии в войне.

Почти 90 лет своей жизни он описал в 4 томах своих воспоминаний. Для нашей семьи – это огромная ценность.

Благодаря его воспоминаниям, я точно знаю, что Иван Кириллович был настоящим человеком, с которого хочется брать пример.

Когда уходят люди, о них остаётся память. Она хранится в фотографиях, вещах, предметах, несёт в себе ценность исторических событий, событий личной жизни.

Каждая фотография – это ниточка из прошлого, которая бережно хранится и передаётся из поколения в поколение. Наши деды и прадеды отстояли мир, а мы, новое поколение, должны сохранить его.

Если жизненный путь человека достойный, то он может и должен служить образцом для подражания нам, молодому поколению.

Если только представить жизненный путь Ивана Кирилловича, то можно с уверенностью сказать, что этот человек достоин того, чтобы им гордились не только родные и близкие.

Я считаю, что семья это самое ценное в жизни каждого человека. Наши предки – это наши корни, без которых не было бы нас. Изучив и проанализировав фотографии и документы семейного архива, прослушав воспоминания моих родных, я узнал о судьбе моего прадеда, тесно связанной с историей Ушачского района. Узнал о тяжёлых испытаниях, выпавших во время Великой Отечественной войны и послевоенном строительстве мирной жизни.

Я очень горжусь своим прадедушкой. Он воевал и работал для того, чтобы его дети, внуки и правнуки жили в свободной стране. Своим будущим детям я расскажу об Иване Кирилловиче, который был смелым воином, трудолюбивым и хорошим человеком. Мой прадедушка будет жить в нашей памяти. А его жизненный путь послужит образцом.

*Михаил Подворный, ученик 4-го «А» класса
Ушачской средней школы, правнук*

Валентина Алексеевна Корнилова-Карабань (из книги, посвящённой памяти моей мамочки)

«...Мама проснулась от взрывов бомб. Схватив грудного ребенка – Валечку, за руку полуторогодовалую Лорочку, маленький узелок с пеленками, она выскочила из дома и побежала на улицу, где в страхе, прижавшись друг к другу, стояли женщины и дети.

Вскоре приехала полуторка и знакомый капитан погрузил на нее сначала свои вещи и жену, а потом позвал остальных жен офицеров. Вначале машина поехала в одном направлении, но попала еще под большой обстрел, тогда мама, не выдержав, сказала, что надо ехать совсем в другую сторону, но это не понравилось капитану. Однако водитель видно его убедил, что она права, потому что часто ездила с Алексеем по деревням за свежими продуктами детям и знает эти дороги. Наконец-то они выехали на шоссе, но там их встретили курсирующие самолеты. Когда они подлетали к машине, она останавливалась, капитан кричал: «прыгайте», а сам со своей молодой женой бежал в ближайший лес или кювет и там прятался. То же делали остальные люди и водитель. На машине оставалась только одна мама. Она клала к краю грузовика Валечку, спрыгивала сама, снимала Лорочку, потом брала на руки Валечку и бежала до первой ямы, опускала в нее детей и закрывала их своим телом, думая, что если бомба упадет, то убьет их всех сразу. Так повторялось неисчислимое количество раз и никто, ни «славный капитан», ни водитель ей не помог.

Однако вскоре это бегство окончилось, так как их окружили немецкие танкисты, которые сразу же, определив и расстреляв

капитана и водителя, приказали остальным: «nach hause!». И побрели женщины назад по разбитым дорогам.

Русскому человеку трудно писать про немцев. Видимо слишком уж многое их объединяет: самые близкие соседи из европейцев, давние и тесные исторические связи (все царицы, начиная от эпохи Петра I были немками), общие страстные увлечения – философия, литература, музыка и в то же время – самая большая боль.

С одной стороны, так до конца и не решен вопрос о том, не немцы ли создали все то, что нас теперь окружает: от государства до системы образования. С другой – так и живут в русском человеке страх и отвращение при звуке немецкой речи – может, оставшиеся от родителей, переживших войну, может от фильмов об этой войне, а может это уже просто заложено генетически.

Вот так же потрясла меня грубая, лающая речь жителей Берлина, когда я приехала туда впервые, путешествуя по Европе. И как говорят «очень повезло» мне в Париже, когда в кабаре к нам подсадили за столик немецкую пару: грубую, неприятную женщину в парике и толстого мужчину, громко говорящих и жадных до еды. Съев свое мясное блюдо, они бесцеремонно дотянулись до нашего хлеба, и подтерев им тарелки, съели все до крошки. А я подумала, что вот такие же наглые и голодные фашисты ворвались на нашу землю для того, чтобы все грабить, сжигать и убивать невинных женщин, стариков и детей.

Вернувшись назад в Белосток, мама нашла только груды развалин от дома. И здесь она сделала, как она думала, еще одну ошибку: вместо того, чтобы остаться с детьми у пани Ванды, как та предлагала, она поехала на восток, думая, что там узнает что-нибудь о муже.

Но там ее ждали еще большие испытания. Теперь на себе испытала она всю горечь русской поговорки: «От тюрьмы и от сумы не зарекайся». Ей пришлось ходить с сумой и просить милостыню. В Западной Беларуси это называлось «ходить жабровать». Если в первые дни жители деревни давали еще хлеб и молоко для маленьких детей, то уже после установления так

называемого «порядка», одни боялись, а другие открыто выражали свою ненависть и прогоняли так называемых «советок» от своих дверей, не жалея ни грудного ребенка, ни совсем еще маленькой девочки.

Вскоре Валечка умерла от голода, так как у мамы с первых дней войны от всего этого ужаса пропало грудное молоко, а достать его было негде. Осталась одна Лорочка, которую мама всячески оберегала, отдавая почти всю еду, которую выпрашивала как могла у бедных людей.

Арестовали маму как жену офицера в местечке Изобелин Волковысского района Белостокской области. После регистрации их привезли в г. Мосты и так как здесь не было концлагеря, расселили с детьми по домам и ежедневно гоняли на работу: строить дорогу «брусчатку».

Маме очень не повезло: ее поселили в семью, где командовала полька-самодурка, которая уже в поздние годы вышла замуж за бедного белорусского вдовца и поэтому вымещала свою злобу на мужа, на его детей и заодно на тех, кого им подселили. Мама целый день была на каторжной работе, а голодная Лорочка плакала от криков злой хозяйки.

Поздно вечером уставшая мама шла жабровать и приносила кусочки хлеба и несколько картофелин. А в это время хозяйка выливали свиньям молоко и картошку, проклиная своего мужа. Но бог ее жестоко покарал: она умерла при родах. Ребенок был плодом тайной любви к молодому ксендзу.

Однажды из-за болезни ребенка на работу опоздала одна из женщин. Опоздавшую жестоко избил хромым немец-надзиратель, а когда прибежал ее мальчик с ужасным известием, что ребенок умер, моя мама не выдержала, вспомнив смерть Валечки, крикнула подругам: «Бросайте работу! Пойдем и по-человечески похороним ребенка». И все женщины поддержали ее.

На следующий день маму арестовали и повезли в тюрьму г. Волковыска.

Ох, судьба, судьба! Была сума, теперь тюрьма!

Когда маму выпустили, и она увидела испуганную, худенькую как тростиночка Лорочку, она вдруг поймала себя на мысли, что Лорочка могла ее больше не увидеть никогда.

Как-то раз, возвращаясь с работы очень уставшей, она услышала, что сзади тормозит машина. Оглянувшись, она увидела, что из кабины машет рукой пожилой немец и кричит «матка, ком». В первую минуту мама хотела бежать, но потом одумалась, что ее за побег убьют и Лорочка останется одна. Она подошла к грузовику, и немец открыл ей дверцу. Усевшись в кабину, она успокоилась. Пожилой немец приветливо смотрел на нее и, немного разговаривая по-русски, объяснил ей, что воевал против России в 1918 году, был в плену, где и выучил некоторые слова. Когда они подъехали к городу, немец остановил машину и нагнувшись к маме, сказал: «Гитлер капут!».

Мама шла к Лорочке и думала, что наверно, войне точно будет скоро капут, если Гитлер заставляет воевать даже стариков и они так смело говорят, что ему конец.

Однажды всех женщин срочно собрали и перед ними выступил эсэсовский офицер. Переводчица объявила, что все они будут работать на рейх непосредственно на территории Великой Германии.

Переводчица, грузинка Лёля, нервно куталась в меховое манто, которое она получила за свою работу из того барахла, которое фашисты награбили после еврейских погромов. Странным фактом было то, что детей у женщин разобрало местное население.

Потом только, когда всех погрузили в вагоны и к ним затолкнули в меха одетую и в золото украшенную переводчицу, они узнали из ее причитаний, что ими подменили местную молодежь, которую должны были вывезти в Германию на принудительные работы. За это коварство местное население заплатило немцам золотом и разобрали детей женщин.

Еще больше заревела переводчица Лёля, когда в лагере отобрали все ее барахло и золото, обрили наголо и она лишилась своего статуса повелевать, лишилась своей пышной шевелюры, под которой скрывала свой длинный и горбатый нос. Да и фигура у нее

была неважной: костлявое тело и кривые лохматые ноги, которые она скрывала под длинными еврейскими шелковыми платьями. И если раньше, работая переводчицей, она пыталась кокетничать с немецкими офицерами, то здесь в лагере, уже в первые минуты пребывания, она не только увидела руку с плетью, направленную в ее сторону, но и услышала хохот и явно нелестные слова из уст эсэсовских офицеров в ее адрес.

Эти же офицеры не скрывали своего восхищения при виде красивых русских женщин и говорили, показывая своим подругам эсэсовкам: «О, матка, гут!».

Всех одели в полосатую лагерную одежду, на которую нашили номера.

Номер моей мамы был 32804. Находились они в самом страшном международном женском концлагере «Равенсбрюк». Он был создан в 1939 году Гиммлером и находился около города Фюстенберг...

...Блоковыми или ответственными за порядок в блоке были в основном польки, те, которые первыми попали в лагерь в начале войны. Они были очень злые, служили фашистам с чувством страха за свою продажную шкуру и перед эсэсовцами громко кричали и били заключенных, выгоняя их на перекличку.

Так как этот лагерь был женским, большинство эсэсовцев составляли молодые откормленные немецкие женщины, если можно было их так назвать, потому что больше всех над истощенными узницами издевались именно они.

Обуты они были в кованные сапоги, и сбив с ног узницу, они в начале били ее плетью, а потом ногами, целясь кованным сапогом в голову, коленные чашечки и даже в лицо. Но самое страшное, по словам мамы, было то, что в лагере были специально обученные собаки овчарки, которые набрасывались на безмолвно застывших узниц и рвали зубами их ноги, а потом и все остальное уже на лежавшем человеке. Иногда они загрызали жертву до смерти, и специальная команда узниц палками с крюками грузили на тележки бесформенное, окровавленное с лоскутьями тело. Мама всю

оставшуюся жизнь не любила собак, и мы в семье никогда их не держали.

Первый раз мама пострадала от ээсовки, которая сбила ее с ног и одним натренированным ударом сапога выбила ей все передние зубы. Знакомая медсестра, которая работала в ревире с горечью шутила: «все равно немцы мясо на второе не дают».

Второй раз мама серьезно пострадала, когда их гнали в лагерь с работы из военного завода и в шеренге она оказалась крайней. Ээсовка, целясь по коленям, ударила кованым сапогом немного ниже, и мама упала. Ей грозила смерть от ударов и собак, но здесь сработала человеческая солидарность: ее подхватили под руки товарки и потащили в уже видневшийся лагерь. На месте удара образовался гнойник, и мама очень боялась потерять ногу, а это означало верную смерть в печи крематория, который целые сутки дымил своими трубами и запах сожженной человечины проникал повсюду. Медсестра Ася посоветовала прикладывать к ране тряпочки с мочой (в ревире не было никаких медикаментов). Нога была худой, гной окончился, а кость к счастью потихоньку заживала.

Позже эта медсестра частенько приходила навестить маму, особенно в последние дни пребывания в лагере, когда многие узницы сходили с ума от голода.

Заглянув в глаза маме, она радостно говорила, что они у нее чистые, взгляд не замутненный. А ведь этих несчастных женщин, бродящих по лагерю в поисках любой еды и жующих траву и даже землю, ээсовцы хватали и отправляли в крематорий.

Что удивительно, были среди узниц в бараке и две еврейские сестры, но они были не похожими на евреев и немцы их не уничтожили сразу по приезду в лагерь, как делали с другими. И что поражало – никто из барака их не выдал. Даже латышки, которые, приехав в лагерь, проклинали «жидов и комиссаров, оккупировавших их родину». Они заявляли, что Гитлер освободит их родину от русских и наведет везде порядок, на что моя смелая мама сказала: «он уже навел «порядок», загнав вас в лагерь, где вы

сдохнете от голода или в печи крематория, а вот русские победят и Красная Армия нас освободит и накормит всех вволю хлебом».

Так это и случилось. Когда в апреле 1945 года войска Красной Армии уже приближались к лагерю, именно эти две латышки стояли на коленях и громко молились, чтобы их поскорее освободили русские.

Были в лагере женщины разных национальностей со всей Европы. Однажды мама познакомилась с югославкой, которая знала русский язык. Она была родственницей Иосифа Броз Тита и за это была помещена в лагерь. От нее мама узнавала о событиях на фронте, о том, что скоро придет Красная Армия. Иногда югославка угощала маму кусочком из съестного, которые югославы, да и другие женщины, кроме русских, получали по линии международного Красного Креста. А наш Красный Крест по указанию Сталина не признавал военнопленных, а заодно и женщин, детей в лагерях, считая их предателями.

Мама после войны отказывалась покупать марки Красного Креста и не могла простить Сталину его предательства по отношению к своему народу. Она говорила, что за то зло, которое он причинил невинным людям, судьба послала и ему наказание: и его сын попал в плен, где испил полную чашу позора и унижений, голода и холода, принял мученическую смерть за грехи своего отца.

Однажды к станкам на военном заводе рядом с узницами стали и те немки, которые недавно вместе со своими детьми бросали камни в обессиленных и голодных женщин, когда их гнали эсэсовки с овчарками на завод. Теперь никто из них не кричал «Хайль Гитлер», не выбрасывал в приветствии рук. Они были такие же голодные и злые от того, что им приходится работать наравне с русскими «рабами».

Когда над заводом летели союзнические самолеты, мама никогда не пряталась, как немки, а кричала, чтобы бомбы летели на завод. Но английские самолеты бомбили ближайшие города, а не завод. На него не упала ни одна бомба, потому что совладельцами

его были английские партнеры и их не волновало, что он выпускает военную продукцию.

Эсэсовки в лагере тоже изменили свое поведение. Они как бы разделились на две группы: одна ничего не делала, а другая еще с большей злобой набрасывалась на обессиленных от голода узниц и избивала их до смерти.

Однажды в лагерь прибыла партия хорошо одетых женщин с детьми и вещами. Эсэсовские офицеры помогали нести их вещи. Эсэсовки брали на руки их детей. Это было необычным явлением, так как детей в лагере не содержали. От блоковых узниц узнали, что это еврейские женщины, которые в свое время вышли замуж за высокопоставленных немецких офицеров, а теперь будут находиться в лагере до тех пор, пока за ними не придет пароход и они за большой выкуп золотом уедут в США. Правда через некоторое время все узнали, что этот пароход утонул. Но немцев это уже не волновало, ведь выкуп был получен вперед.

Самое страшное наказание в лагере было попасть в блоки, где эсэсовские врачи проводили над узницами опыты. Таких женщин называли «кроликами». И все женщины, проходя мимо таких блоков, вздрагивали от одной даже мысли о том, что могут в каждую минуту попасть туда.

Эсэсовками в лагере служили молодые немецкие женщины и девушки. Они были разными: одни – злыми и жестокими, постоянно били узниц, другие – брезгливыми и постоянно требовали чистоты, а это означало, что последнее тепло уходило из барачков в открытые двери и каждую минуту надо было мыть все помещения холодной водой.

Были только две девушки, которые редко били несчастных женщин и за это их ласково прозвали «Ягодка» и «Пышечка» и еще за то, что они были пухленькими, настоящие немецкие «медхен».

Честно говоря, им некогда было бить узниц, так как большую часть своего времени они проводили в компании эсэсовских офицеров, которые им больше симпатизировали, чем остальным лошадиноподобным надзирательницам.

Накануне освобождения всех, кто мог ходить, выгнали и погнали на север Германии, того, кто слабел и падал, пристреливали на месте и бросали в кюветы. Эта «дорога смерти» тянулась до 25 апреля. Утром узники проснулись, а охраны нет. Все эсэсовцы и надзиратели исчезли ночью. Из 132 тысяч женщин из 23 стран мира 93 тысячи погибли в лагере. Наконец-то пришла долгожданная свобода!

Но угроза смерти и теперь не покидала их. Самое страшное, что настигло бывших узников, покинувших лагерь – это мучительная смерть от переедания, вернее от нормальной еды, которую не мог переварить больной желудок. Кроме баланды и маленьких кусочков хлеба, испеченного неизвестно из чего, узники ничего в лагере не получали. Правда, часто они слышали крики обслуги «гемюзе, гемюзе!», которая бежала за чаном со свеклой, которую, как говорила моя мама, и свиньи не стали бы есть.

Однажды утром бывшие узники зашли в один немецкий дом. Вся семья чинно сидела за столом и пила утренний кофе. При виде очень худых и изнеможенных пленниц, все сидящие за столом застыли. Узницы протянули свои руки, которые представляли собой только кость и усохшую кожу и стали брать печенье и запивать его кофе из маленьких чашечек. Хозяйка трясущимися руками стала поднимать кофейник, чтобы долить кофе, а хозяин подал вазочку с печеньем со словами: «bitte, bitte». Съев все съедобное со стола, узницы удалились....

...Некоторые женщины взяли вещи и погрузили на коляску, однако толкать ее уже не было сил, и мама выбросила все в кювет. Так они и брели по дорогам Германии, уцепившись в пустую коляску и куда она катилась, туда и шли эти несчастные женщины.

В городе Ноенбрандербурге они прошли проверку (фильтрацию) работниками НКВД. Всех разделили по группам по месту рождения. Маму проверял молоденький офицер из Ленинграда.

...С моим отцом мама познакомилась в Польше в городе Познань, где она после проверки НКВД работала вольнонаемной в военторге. Мой отец, высокий и красивый лейтенант, приходил в

буфет. Однажды он спросил, почему она никогда не улыбается, на что Валентина ответила, что фашисты ей выбили в концлагере все зубы.

На следующий день отец привел чудом спасшегося зубного

врача-еврея, которого поляки всю войну по очереди прятали в подвалах и на чердаках своих домов. Врач поставил маме золотые зубы на все сбережения офицера.

Мама узнала, что Григорий тоже вдовец и у него есть дочь Лида, которая пережила весь ужас фашистской блокады партизанской зоны в местечке Ушачи в Белоруссии. Ее мать погибла от осколка снаряда, когда они прятались в землянке. Лиде тогда было неполных 12 лет. Мама рассказала ему, что у нее тоже есть доченька Лорочка, но о ее судьбе она

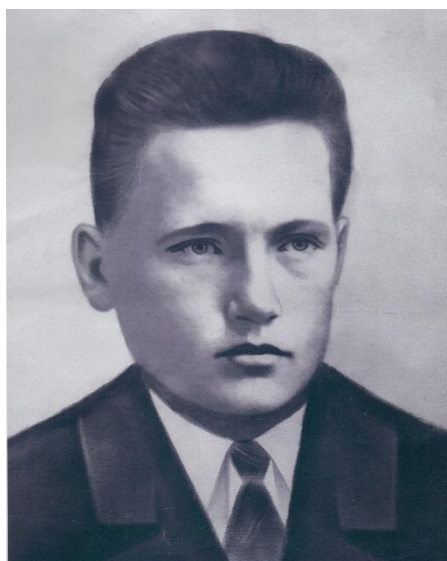
ничего не знает. Отец дал ей солдата с грузовой машиной, мама села в кабину, и они поехали в Беларусь.

Мой отец, Карабань Григорий Карпович, родился в 1906 году в деревне Боровцы на Витебщине. На фронт он ушел с первых дней войны в 41-м, оборонял Москву, за что получил медаль «За оборону Москвы», брал Кенигсберг, награжден медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов».

Людмила Карабань

Мой дядя, Сазонов Михаил Михайлович, родился в 1920

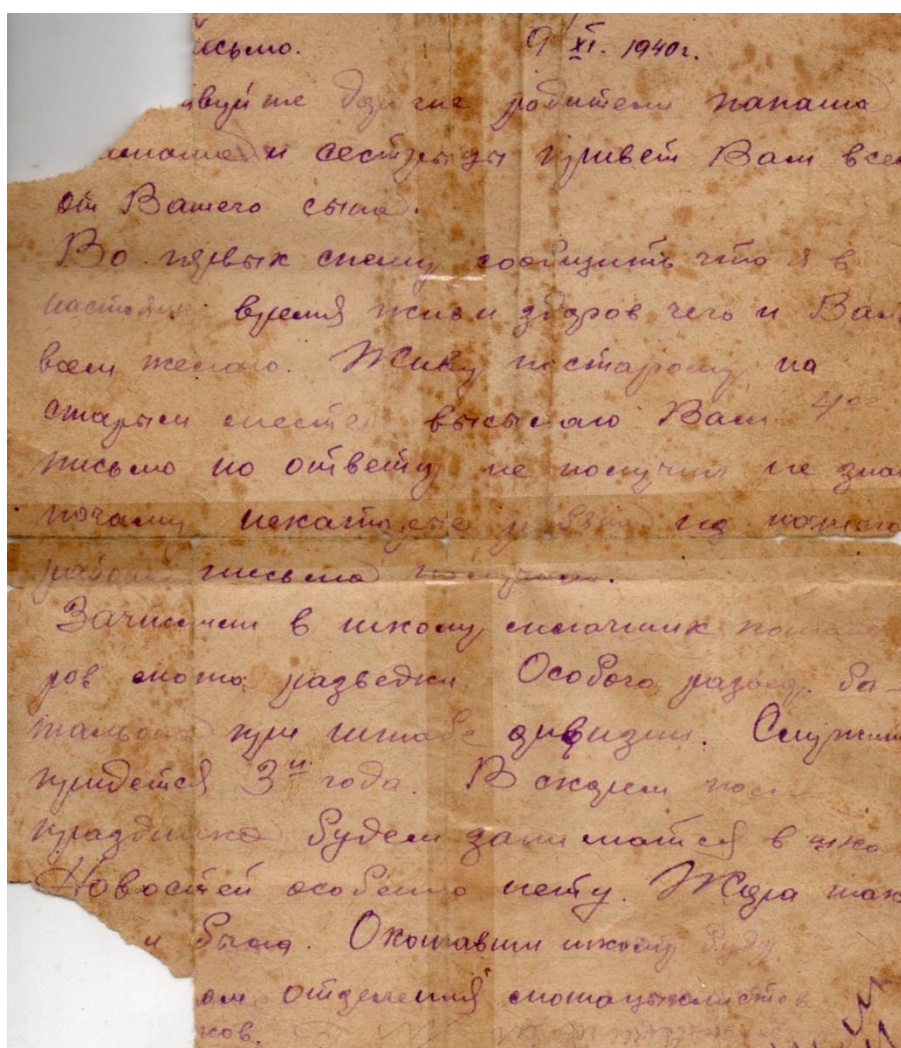
*Сазонов Михаил Михайлович
танкист 1920-1944*

году в деревне Подъязно Ушачского района. В годы Великой Отечественной войны служил в рядах Советской Армии танкистом, в звании младшего командира. Пропал без вести в октябре 1944 года.

В книге «Памяць. Ушацкі раён» размещена краткая о нём информация.

Мои родственники вели его активные поиски, давали запрос в приёмную министра обороны СССР, а также в Москву в управление по учёту потерь среди рядового и сержантского состава, а затем и офицерского. Ответ

один – пропал без вести.

Всего Довольно и в том же
только не знала в
мелкого Дешир Мотаму что
только по 10 руб. в месяц
только по едажу а едажу
дружественно дорого и мелку Дешир.
Затем Довольно Довольно
писать через новгородского
то никак не. Привал все.
Дядя Дуни Леонид и Александр
Трофимовичи
Сазонову М. В.
С привалом Дядя
Минибс все и в том же

Письмо М. Сазонова родным, 1940 г.

Мои родные дяди Дуники Леонид и Александр Трофимовичи в годы Великой Отечественной войны боролись с фашизмом на территории Ушаччины в партизанских бригадах Полоцко-Лепельской партизанской зоны. В книге «Памяць. Ушацкі раён» размещена о них краткая информация.

Дядя Лёня воевал в партизанской бригаде имени Пономаренко, погиб 9 мая 1944 года.

Дядя Саша пропал без вести 11 апреля 1944 года во время вражеской блокады Полоцко-Лепельской партизанской зоны.

Мой двоюродный дядя Дуник Фёдор Алексеевич родился в 1913 году, во время Великой Отечественной был в партизанах и также принимал участие в прорыве вражеской блокады на территории Ушачского района. Погиб 11 августа 1944 года.

Валентина Дуник

*Гэты аповед хачу прысвяціць светлай памяці сваёй свекрыві
Кацярыны Фёдараўны Жаравай. І размова пойдзе пра тое, як
перарвала вайна чалавечае размеранае жыццё, як раскідала сем'і,
якія неймаверныя выпрабаванні прынесла людзям.*

*Перабіраю старыя фотаздымкі. На адной, пажоўклай, – мая
святроў з сынам. Я добра памятаю той дзень, калі яны сустрэліся
– упершыню за 26 гадоў...*

Блакадніца

Мы (я і мой муж Мікалай) жылі і працавалі тады ў невялікім таёжным пасёлку ў Іркуцкай вобласці. Аднойчы мы атрымалі тэлеграму з кароткім тэкстам: ”Выязджаю 12-га. Масква-Лена. Вагон 5“. І подпіс – ”мама“.

Муж не спаў усю ноч. Імкнуўся ўявіць, якая яна, мама. Ён амаль не памятаў яе з той пары, як развіталіся перад пачаткам Вялікай Айчынай вайны.

А было так. Вясной маці прывезла двух сыноў (пяцігадовага Колю і трохгадовага Гену) з Ленінграда ў Віцебскую вобласць да бацькоў. Іх тата загінуў на савецка-фінскай вайне ў 1939 годзе. Кацярына Фёдараўна працавала важатай трамвая, і адной з двума дзецьмі было цяжкавата. Падумала: пакуль дзіцячы сад будуюцца, няхай пабудуць у бабулі з дзядуляй. Сама ж вярнулася ў Ленінград. Вайна... Ужо восенню сорок першага года горад аказаўся ў коле варожай блакады. Разам з іншымі ленінградцамі Кацярына Фёдараўна вынесла ўсё: капалі акопы, будавалі абарончыя рубяжы, расчышчалі трамвайныя шляхі, дзяжурылі на дахах дамоў... Штодзень змагаліся са смерцю.

– Мы амаль звыкліся з бамбёжкамі, холадам, – расказвала падчас сустрэчы святроў – але самае жудаснае – гэта голад. Па картках давалі ўсё менш і менш хлеба. Дайшло да 125-ці грамаў. Не ўсе вытрымлівалі: паміралі ад голаду дома, на вуліцах, на заводах. Вар'яцелі. На маіх вачах суседка забіла двух сваіх дзяцей – не змагла глядзець, як яны пакутуюць.

– Адноўчы нам пашанцавала, – працягвала расказваць маці майго мужа. – Вярталіся з могілак (а імі стаў звычайны яр, у якім хавалі памерлых, загінуўшых, капаць ямы не было сіл) і натрапілі на плантацыю шампіньёнаў. Якое шчасце! Вырывалі іх з каранямі, рассоўвалі па кішэнях, за пазуху, накладвалі ў хусткі, у ніжнюю бялізну. Елі грыбы нават сырымі, хаця і ведалі, на якім месцы яны выраслі.

Фашысты акупіралі Беларусь. Думкі аб тым, як там бацькі, як яе дзеці, не пакідалі Кацярыну Фёдараўну. Але на малую радзіму трапіла толькі ў 1944-м. І тут яе чакала гора: вёску немцы спалілі, жыхароў пагналі на захад, у тым ліку і яе бацькоў, сяцёр, сыноў. Дзе шукаць? Вырашыла вярнуцца ў Ленінград. Па шляху купіла два вядры жыта. Так-сяк трапіла на поезд, дакладней, прыступку пезда. Але і тут не пашанцавала: у пездзе вылоўлівалі спекулянтаў-махляроў. Аднеслі да іх і яе. Знялі з пезда, прысудзілі два гады турмы. Праўда, сядзела нядоўга.

Вярнулася Кацярына Фёдараўна дадому ў вёску, калі пакрысе вярталіся сагнаныя немцамі жыхары. Ад іх жанчына даведалася, што яе сям’ю давезлі да Польшчы (так называлі Заходнюю Беларусь), змясцілі ў лагер у Шчучынскім раёне. Аказваецца, тым часам пачаўся павальны тыф. Немцы распусцілі ўсіх палонных, хто застаўся жывы – няхай заражаюць хваробай салдат Чырвонай Арміі і жыхароў наваколля. У лагеры памерлі бацька, сястра, малодшы сыноч Кацярыны Фёдараўны Гена. Але пра гэта яна пакуль не ведала – паехала шукаць сваю сям’ю. І знайшла. Ды толькі сына Колю, які застаўся адзін, яе 14-гадовая сястра здала ў дзетапрыёмнік, адтуль яго накіравалі ў дзіцячы дом. Знайсці не ўдалося. Засталася на Гродзеншчыне. Уладкавалася працаваць да гаспадароў на хутары. Пазней пераехала ў Лідскі раён. Нарадзіла дачку.

Маці шукала сына ўвесь час. Куды толькі ні пісала – адказу не атрымлівала. Але аднойчы раздаўся званок. Ад дваюраднай сястры з Мяжы даведалася: туды ў пашпартны стол прыйшло пісьмо ад яе сына з Сібіры. Заняла грошай і хутчэй у Маскву, адтуль – у месца назначэння.

Поезд Масква-Лена падышоў да перона. Вось і пяты вагон. Выйшла шмат пасажыраў: відаць, у вагоне даведаліся аб такой сустрэчы. Да цяперашняга здзіўляюся – як маці і сын адразу пазналі адзін аднаго. Яму ж і пяці гадоў не было, каля яны развіталіся. Нічога не скажаш – родная кроў. У той дзень сустрэчы яны і сфатаграфаваліся, а ў мяне з’явілася свякроў. Разумная, добрая, шчырая жанчына. Яна скончыла ўсяго чатыры класы, а размову магла падтрымаць на любую тэму. Працуючы ў саўгасе, атрымліваючы мізэрную зарплату, адна выхавала дачку, дала ёй вышэйшую адукацыю... А яшчэ мне запомніліся яе кулінарныя здольнасці. Ні адны хрэсьбіны або провады ў армію не праходзілі без яе дапамогі. Грошай не брала, лічыла, што рабіць дабро людзям – сабе прыемна. Без справы не сядзела ні хвіліны. Вязала пуховыя хусткі, прала, ткала дываны.

Я, Кацярына Фёдараўна і мой муж Мікалай

Мой муж вельмі хацеў пажыць сярод родных, і ў 1968 годзе наша сям’я пераехала ў Беларусь. Уладкаваліся ў Лідзе. Жылі спачатку ў цёткі Мікалая. На дваццаці шасці квадратных метрах дзевяць чалавек, з іх – чацвёра дзяцей.

”Як жа вы там размяшчаецеся?“– пыталіся знаёмыя, а цётка Ніна адказвала: ”У вайну не столькі чалавек жылі, усё адолелі“.

Свякроў памерла ва ўзросце 94 гадоў у Гродне. Праводзіць яе ў апошні шлях прыйшлі блакаднікі з усёй акругі. На краі памінальнага стала стаяла шклянка крынічнай вады, накрытая бруском хлеба вагой 125 грамаў.

Лідзія Сідарэнка

Содержание

1	Чуешов Илья Борисович	4
2	Грак Иван Никитович	5
3	Василевский Евгений Петрович	6
4	Рудёнок Ефросиния Тимофеевна	18
5	Авласенко Иван Андреевич	20
6	Клопов Василий Маркиянович	22
7	Подворный Кирилл Терентьевич	25
8	Подворный Иван Кириллович	33
9	Корнилова-Карабань Валентина Алексеевна	53
10	Сазонов Михаил Михайлович	63
11	Дуники Леонид и Александр Трофимовичи	64
12	Дуник Фёдор Алексеевич	65
13	Жарова Екатерина Фёдоровна	66

В нашей памяти навечно

сборник воспоминаний

В. Корейша [и др.]
сост. Л. М. Шкарубо

